Ч 35/967

ЗАПИСКИ СИРОТКИ

ПОВѢСТЬ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Изданіе Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ

ЭБ

ЭБ

ЗАПИСКИ СИРОТКИ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

изданныя Т-вомъ М. О. Вольфъ:

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.
Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

КНЯЖНА ДЖАВАХА.
Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.
Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд 2-е. Ц. 3 р.

ВТОРАЯ НИНА.
Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Ц. 3 р.

ЗА ЧТО?
Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4 частяхъ съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.
вѣсть для юнош., съ иллюстр. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА.
Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро.

ГАЗАВАТЪ.
Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ.
Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Ц. 3 р. 50 к.

СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.
Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ.
Историческій разсказъ, съ илл. А. Бальдингера.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ.
Историческій романъ. Ц. 1 р.

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 2-е. Ц. 1 р 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Ц. 2 р. 50 к.

ЗАПИСКИ СИРОТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго Ц. 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Ц. 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова.

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.
Повѣсть для дѣтей. съ иллюстр. А. Бальдингера. Ц. 2 р. 50 к.

СИБИРОЧКА.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. Гурьева.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ.
Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Ц. 60 к.

СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.
Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Ц. 1 р. 75 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА.
Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера. Ц. 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА.
Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Ц. 45 к.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ
Разсказы для маленьк. дѣтей, съ хром. карт. Изд. 2-е. Ц. 90 к.

45

ЗАПИСКИ СИРОТКИ

И 35/967

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

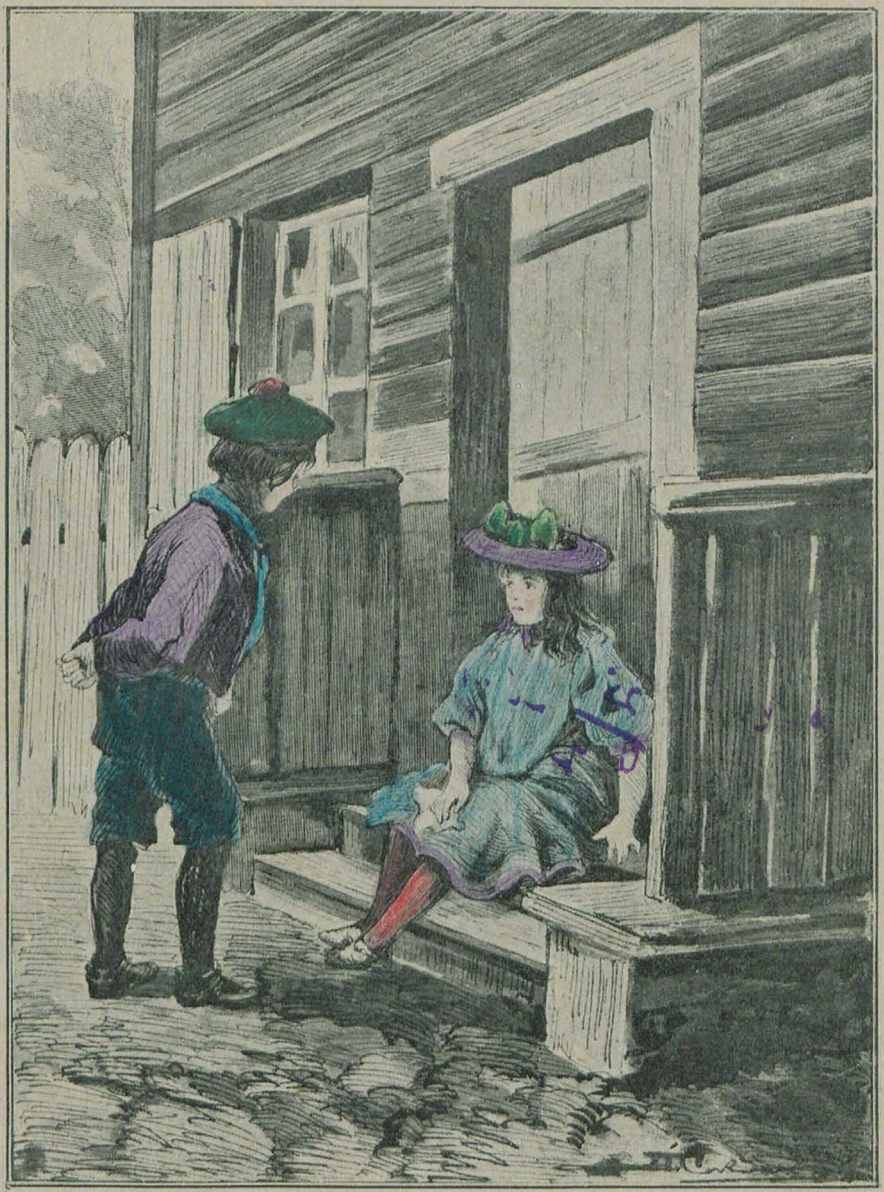
Съ 12 иллюстраціями Э. Соколовскаго

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ • Москва •

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С·Петербургъ · Вас·Остр·16 линія соб·домъ

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

372-73-42



— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ меня мальчикъ...

ГЛАВА I.

Сиротка Катя.

Я помню маленькую свѣтлую комнату, всю залитую лучами весенняго солнышка. Высокая, полная женщина укладываетъ меня въ кроватку и, гладя мою бѣлокурую головку, шепчетъ сквозь слезы:

— Бѣдная, бѣдная моя сиротка!

Эта полная женщина съ добрымъ лицомъ — моя няня... Она такъ ласково смотритъ на меня.

— Покойной ночи, нянюшка,—говорю я, протягивая къ ней руки, и она цѣлуетъ меня и креститъ.

Я знаю, что няня любитъ меня теперь еще больше, гораздо больше прежняго, съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя милая, дорогая мамочка...

Я до сихъ поръ не могу свыкнуться съ мыслью, что ея уже нѣтъ съ нами. Я горько плакала, когда она умерла, но няня остановила меня словами:

— Мамочка у Боженьки, Катя, но она видитъ твои слезы и ей больно за тебя; лучше обѣщай ей быть хорошей, милой дѣвочкой, чтобы она могла радоваться на тебя, и молись за нее почаще.

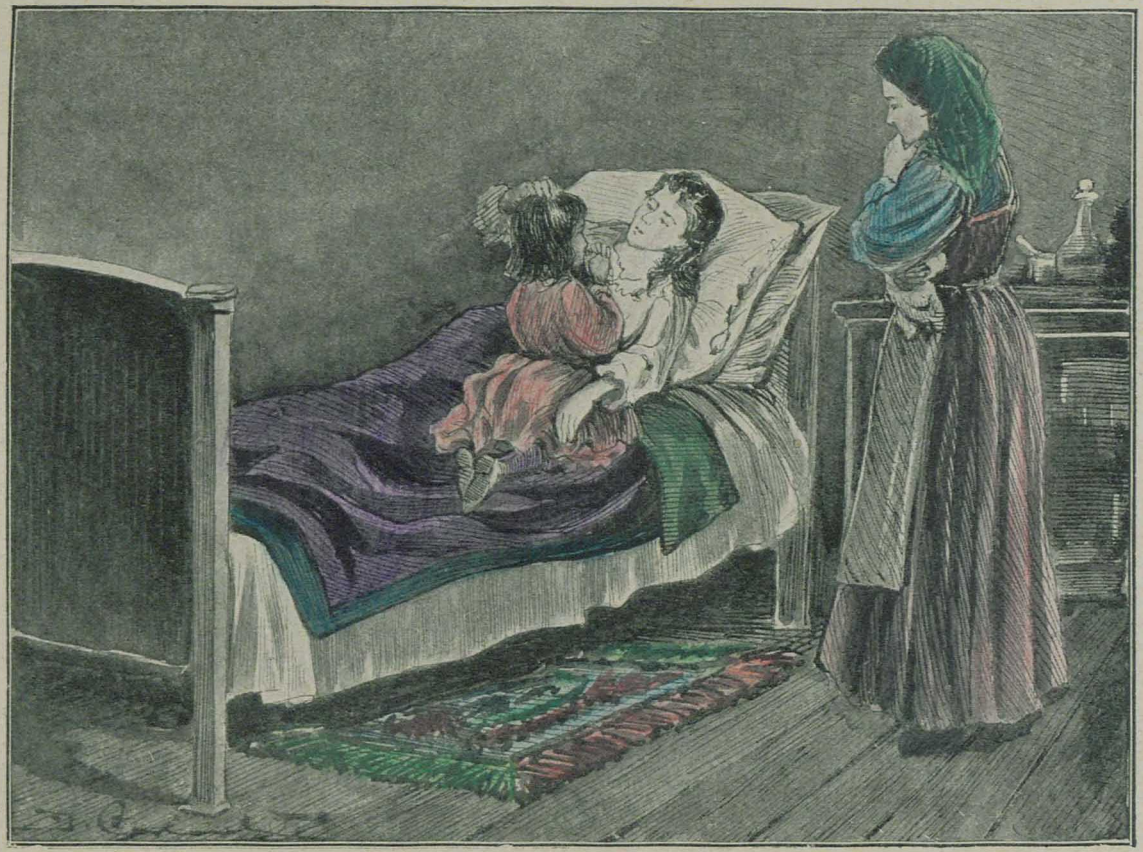
Я постаралась исполнить желаніе няни и каждое утро и вечеръ горячо молилась за мою дорогую далекую мамочку

А какъ мнѣ хорошо жилось съ нею!

Мы жили—мама, няня, я и старый, лѣнивый котъ Мишка—въ нашей маленькой квартиркѣ. Мама цѣлый день проводила на службѣ, няня возилась на кухнѣ, а я съ Мишкой сидѣла на широкомъ подоконникѣ гостиной, играя съ моей куклой Лили или читая книжку. Съ 4-хъ часовъ дня я уже начинала поджидать маму со службы. Она приходила всегда къ 5-ти часамъ усталая, но довольная тѣмъ, что видитъ свою маленькую Катю... Въ ту-же минуту няня приносила миску съ супомъ, и мы садились обѣдать. Послѣ обѣда мама читала мнѣ книжку или показывала картинки въ большой толстой книгѣ. Чаще всего разсказывала сказки, до которыхъ я была большая охотница. Вечеромъ, когда мои глаза начинали слипаться отъ сна, мама отводила меня въ маленькую дѣтскую, оклеенную розовенькими обоями, собственноручно раздѣвала и укладывала меня спать. Потомъ садилась на краю моей постельки и, перекрестивъ нѣсколько разъ подъ рядъ, долго еще гладила по головкѣ, пока сонъ окончательно не охватывалъ меня.

Я ужасно любила, когда она клала мнѣ на лобъ свою мягкую, теплую руку, и я засыпала тогда довольная и счастливая тѣмъ, что она сидитъ около.

А по праздникамъ, когда мама не уходила на службу, мы цѣлый день были неразлучны... Утромъ ходили въ церковь, а послѣ завтрака долго гуляли,



Мамочка была очень слаба и худа...

если была хорошая погода; въ дурную-же сидѣли у окна съ работой въ рукахъ и вели нескончаемые разговоры.

И вотъ — все это кончилось... Всю зиму мама кашляла и еле-еле держалась на ногахъ. Весною она не вставала уже съ постели. Въ ея комнатѣ пахло лѣкарствами... Ходилъ старичокъ-докторъ съ большими очками на носу, и всѣ говорили шопотомъ.

Три дня тому назадъ няня отвела меня къ мамѣ проститься.

Я съ трудомъ влѣзла на высокую мамину постель и спросила ее, зачѣмъ она уѣзжаетъ и куда? Мамочка была очень слаба и худа... Она взяла мою руку и сказала, что она не будетъ жить съ нами, а уйдетъ на небо къ Боженькѣ, откуда будетъ видѣть меня.

— Ты будешь умницей, Катя,—тихо проговорила она,—ты не захочешь огорчать твою маму?

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнула я,—я буду умницей, только не уходи отъ меня на небо... останься съ нами!

Я начала такъ горько плакать, что меня увели изъ комнаты.

На другой день утромъ я видѣла маму въ послѣдній разъ. Она говорила, что я останусь пока съ нянеи, а потомъ меня отвезутъ къ моимъ родственникамъ, маминому брату, котораго я никогда не видѣла, — онъ жилъ гдѣ-то очень далеко... Говоря это, мама цѣловала меня и гладила по головкѣ. Потомъ она взяла висѣвшій на стѣнкѣ образокъ и благословила меня имъ.

ГЛАВА II.

Два письма. Приготовленіе къ отъѣзду.

Какою пустой и непривѣтливой показалась мнѣ наша до сихъ поръ уютная квартирка, когда мы вернулись съ похоронъ мамы! И солнышко не такъ ласково смотрѣло въ окна, и Мишка жалобно мяукалъ, ища свою хозяйку. Печально и грустно было доброе лицо моей няни, старавшейся изо всѣхъ силъ, если не развеселить, то хоть немного успокоить свою маленькую Катю. Но и на ея добрые, старые глаза поминутно навертывались крупныя слезинки, которыя она старалась скрыть отъ меня. Мы обѣ живо чувствовали отсутствіе дорогой, милой мамы...

Вернувшись съ кладбища, няня приготовила мнѣ завтракъ, но я, конечно, ничего не могла ѣсть: отъ горя кусокъ не шелъ мнѣ въ горло. Затѣмъ цѣлый день няня все хлопотала по устройству нашихъ дѣлъ: надо было продать мебель, кое-что закупить на дорогу. Она хотѣла покончить все это сегодня-же, чтобы какъ можно скорѣе отправиться къ дядѣ, у котораго я должна была поселиться послѣ смерти мамы.

Поздно вечеромъ, когда мы, уставшія за цѣлый день хлопотъ, сидѣли за самоваромъ, вдругъ раздался звонокъ. Няня побѣжала открывать дверь и черезъ минуту вернулась, неся въ рукахъ два письма. Одно—было отъ дяди, другое изъ няниной деревни. Дядя писалъ, что онъ вернется только черезъ три недѣли, и что до тѣхъ поръ я должна пока остаться съ няней. Въ другомъ же письмѣ мать нянинаго мужа звала насъ заѣхать къ нимъ погостить по дорогѣ къ дядѣ... Она писала, кромѣ того, что няня нужна въ деревнѣ, какъ работница, такъ какъ приближались полевыя работы.

— Ну, что-же, ѣдемъ, Катенька, ко мнѣ въ деревню?—спросила няня по прочтеніи мнѣ обоихъ писемъ.

— Ѣдемъ, нянечка,—согласилась я и тяжело вздохнула.

Я такъ мечтала еще при жизни мамы пожить въ деревнѣ всѣмъ троимъ вмѣстѣ! Теперь безъ нея это такъ давно-жданное удовольствіе мало обрадовало меня.

На другой день и няня, и я встали очень рано.

Послѣ чаю няня сейчасъ-же принялась укладывать и свои и мои вещи, чтобы приготовиться къ отъѣзду.

— Катя, Катя, укладывать Лилины башмаки или нѣтъ?—кричала она мнѣ изъ гостиной, откуда унесли уже проданную мебель.

Башмаки Лили (такъ звали мою куклу) были совсѣмъ старенькіе, но ихъ покупала покойная мама и мнѣ не хотѣлось оставлять ихъ.

— Уложи ихъ, нянечка, — попросила я, старательно завязывая галстукъ на толстой шеѣ моей любимой и единственной куклы. Всѣ мои игрушки должны помѣститься въ дѣтскомъ сундучкѣ. Мѣста въ немъ было немного. Нѣкоторыя игрушки пришлось подарить Пашѣ, дворниковой дѣвочкѣ.

Я ходила по опустѣлымъ комнаткамъ, заглядывала въ кухню, кладовую, во всѣ уголки нашей маленькой квартирки, прощаясь съ нею. Мишка не отставалъ отъ меня и все время мяукалъ.

— Что это, какой онъ неспокойный, нянечка? — спросила я, видя тревогу стараго кота.

— Скучаетъ онъ, Катенька, чуетъ его сердце, что мы разстаемся съ нашимъ гнѣздышкомъ—вотъ и плачетъ. Кошки вѣдь къ мѣсту больше, чѣмъ къ людямъ, привыкаютъ.

Нашъ отъѣздъ былъ отложенъ до субботы. Нужно было продать еще нѣкоторыя непроданныя вещи, которыхъ нельзя было взять съ собою; нужно было также еще кое-что прикупить, запастись съѣстнымъ въ дорогу. Нянина деревня была въ Курской губерніи, и путь туда былъ не короткій.

Пока шли сборы, я сидѣла на моемъ любимомъ подоконникѣ, гдѣ бывало поджидала маму. Изъ кухни несся запахъ жарившихся на дорогу пирожковъ.

Мнѣ было жаль оставлять квартирку, въ которой я провела много славныхъ, счастливыхъ деньковъ.

ГЛАВА III.

Отъѣздъ. Дорога. Случайное знакомство.

НАСТУПИЛА суббота. Все было уложено и запаковано. Мы съѣздили съ няней на кладбище, отслужили панихиду по мамѣ и вернулись домой закусить передъ поѣздомъ и захватить вещи...

Но тутъ случилось одно непріятное происшествіе. Мишка никакъ не хотѣлъ влѣзть въ приготовленную для него корзинку. Сколько разъ няня ловила его и сажала туда, но какъ-только хотѣла закрыть крышку, капризный котъ выскакивалъ изъ нея и его приходилось ловить по всѣмъ комнатамъ.

Наконецъ, его засадили въ корзинку, захлопнули крышку, несмотря на его отчаянное мяуканье, и поѣхали на вокзалъ.

Я рѣдко бывала въ толпѣ. Мама не гуляла со мною по людныхъ улицамъ, и потому шумъ и возня на желѣзной дорогѣ очень испугали меня. Я держалась за юбку няни, какъ самая маленькая дѣвочка, прижимая къ груди Лили, смотрѣвшую спокойно на все своими стеклянными глазами.

Билеты куплены, носильщикъ отнесъ наши вещи въ багажъ и усадилъ насъ въ вагонъ, гдѣ было темно, какъ ночью.

Раздался первый звонокъ, за нимъ, немного погодя, второй, затѣмъ третій. Няня велѣла мнѣ перекреститься и долго крестилась сама на сосѣднюю съ вокзаломъ церковь. Пронзительный свистокъ — и поѣздъ тронулся. Мишка заметался и замяукалъ въ своей корзинкѣ, поставленной подъ лавку, но и онъ скоро успокоился.

Передо мной мелькали деревья, дома, телѣги и люди... Я не отходила отъ окна ни на минуту. Няня разговорилась съ нашей сосѣдкой по скамейкѣ и была очень довольна, что нашла себѣ товарку по пути.

Мы ѣхали мимо какихъ-то деревушекъ съ маленькими темными избушками. Снѣгъ еще лежалъ на поляхъ, хотя солнышко грѣло по-весеннему.

Поѣздъ шелъ очень скоро... и какъ-только встрѣчался съ другимъ поѣздомъ, издавалъ пронзительный свистокъ.

— Катенька, не хочешь-ли покушать? — спросила заботливо няня, наклоняясь ко мнѣ.

Ѣсть мнѣ еще не хотѣлось, но я вспомнила, какъ хорошо пахли жареные пирожки и курочка, изготовленные наканунѣ няней, и мнѣ захотѣлось попробовать и того и другого. Няня поставила передо мной корзинку съ провизіей, и я съ аппетитомъ поѣла вкусной стряпни старушки, покормила высунувшагося изъ корзинки неугомоннаго Мишку и снова заняла мое мѣсто у окна.

Начало смеркаться. Няня принялась устраиваться на ночлегъ. Вынула изъ дорожнаго мѣшка подушки и одѣяла и, подложивъ вмѣсто тюфяка подъ меня свое пальто, устроила мнѣ очень удобную постельку. Я не скоро уснула. Положивъ около себя Лили, я ей еще долго разсказывала шопотомъ о томъ, куда мы ѣдемъ, гдѣ нянина деревня, сколько тамъ есть яблокъ и ягодъ, коровъ и барашковъ.

— Катенька, ты спишь?— раздался надо мной голосъ няни. — Дай-ка я тебя перекрещу за маму, моя сироточка! — ласково добавила она и долго крестила меня, шепча молитвы.

— Мы вѣдь не скоро еще пріѣдемъ въ Москву, нянечка?—спросила я, уже засыпая.

— Еще не скоро, милушка, выспаться успѣешь,— ласково успокоила меня няня и стала сама укладываться на другой скамейкѣ.

Солнышко свѣтило во-всю, когда я проснулась. Вдали бѣлѣли церкви съ золотыми куполами.

— Мы къ Москвѣ подъѣзжаемъ,—сказала няня,— и тамъ пересядемъ на другой поѣздъ.

Въ вагонѣ поднялась суматоха. Всѣ бросились укладывать и собирать вещи. Я выспалась отлично и съ любопытствомъ разсматривала незнакомый городъ. Поѣздъ подошелъ къ платформѣ. Няня позвала носильщика и велѣла ему нанять извозчика на Курскій вокзалъ. На новомъ вокзалѣ было еще шумнѣе, чѣмъ на вчерашнемъ. Мы нашли себѣ мѣсто около молодой женщины, ѣхавшей со своей семилѣтней племянницей. Дѣвочку звали Дуней. Я ей показала Лили и

Мишку и угостила пирожками и карамельками, купленными мнѣ на вокзалѣ няней. Мы съ ней подружились очень скоро. Дѣвочка разсказала мнѣ, что тетка везетъ ее домой въ деревню, а что гостила она у мамы въ Москвѣ.

— Моя мама живетъ въ услуженіи, она горничная въ генеральскомъ домѣ, — важно сказала маленькая Дуня.—А твоя мама гдѣ?

— Моя мама у Боженьки!—тихо сказала я.

— Значитъ, ты сиротка?—спросила Дуня.

Я чуть не заплакала.

— Боженька любитъ сиротокъ!—проговорила моя новая знакомка и, отломивъ большую половину медовой коврижки, купленной ей теткой, протянула мнѣ.

ГЛАВА IV.

На лошадяхъ. Ночные страхи.

ВЕСЬ день мы проболтали съ Дуней у окошечка и легли спать рядомъ на длинной скамейкѣ. Среди ночи няня осторожно разбудила меня, говоря, что мы пріѣхали.

Я крѣпко расцѣловалась съ моей новой знакомой, и мы вышли изъ вагона.

Вокзалъ былъ слабо освѣщенъ. Мы еле выбрались съ няней изъ толпы и стали отыскивать какую-нибудь телѣгу, чтобы доѣхать до нянииной деревни. Въ маленькомъ городишкѣ, гдѣ мы вышли, не было другихъ экипажей, а если-бы и были, то взяли-бы очень дорого за ѣзду. Но и телѣги не было на станціи ни одной. Няня уже готова была переночевать въ гостиницѣ, какъ вдругъ ее окликнулъ чей-то голосъ.

Мы обернулись. Передъ нами стоялъ маленькій, сѣденькій старичокъ.

— Ахъ, Кузьмичъ, здравствуй,—обрадовалась няня.

— Здравствуй, здравствуй, Грунюшка! Меня за тобой и прислали, какъ, значитъ, получили писульку-

то, такъ меня твоя мать и подрядила ѣхать за вами.

— А, значитъ, письмо дошло?

— Вчерась еще принесли... Давай вещи-то, родимый,—крикнулъ мужичокъ носильщику и, взявъ отъ него багажъ, положилъ его въ телѣгу, стоящую у станціи.

Потомъ онъ подложилъ сѣна подъ сидѣнье и помогъ намъ взобраться.

— Это сосѣдъ нашъ, Катенька, — пояснила мнѣ няня, когда телѣга загрохотала по улицамъ городишка.

Мнѣ очень хотѣлось спать, и я легла на дно телѣги. Няня прикрыла меня большимъ платкомъ, но уснуть я не могла, такъ какъ слишкомъ сильно трясло на мостовой. Мужичокъ повернулся къ намъ и, поминутно подгоняя лошадку, разсказывалъ нянѣ о ихъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

Пока мы ѣхали по городу, я не чувствовала ничего, кромѣ желанія спать, но вотъ мы выѣхали въ поле, а потомъ въ лѣсъ, гдѣ меня охватило чувство страха... Я смотрѣла на большія деревья, которыя размахивали вѣтвями, точно громадными, длинными руками; тѣнь отъ нихъ ложилась темными пятнами на дорогу. Мнѣ было очень жутко. Я вспомнила мамину сказку, гдѣ въ такомъ-же лѣсу маленькій мальчикъ, ѣхавшій съ отцомъ, видѣлъ лѣсного царя и его страшныхъ дочерей.

— Тебѣ холодно, Катенька?—заботливо освѣдомилась няня, видя, что я все время озираюсь по сторонамъ.

— Нѣтъ, нянечка, мнѣ страшно!—призналась я.

— Страшно?— удивился Кузьмичъ. — Что ты, барышня! У насъ тутъ тихо, въ добрый часъ сказать! Я не разъ въ лѣсу этомъ былъ и даже волка не встрѣтилъ.

Слова добраго мужичка успокоили меня, и всю остальную дорогу я проспала крѣпкимъ сномъ.

ГЛАВА V.

Новыя мѣста—новыя лица.

Я проснулась отъ толчка... Телѣга остановилась у крылечка небольшой избы, стоявшей посреди огорода... Няня цѣловалась съ какою-то старухой и держала за руку маленькаго бѣлобрысаго мальчугана—моего ровесника.

— Катенька, Катенька,—обернулась она ко мнѣ.—Кузьмичъ, сними барышню съ телѣги.

И мой новый знакомый осторожно поставилъ меня на землю.

— Здравствуй, барышня! — сказала мнѣ старуха и погладила меня по головкѣ своей грубой, мозолистой рукой.

— А вотъ и мой Ванюшка! — радостно сказала няня, подталкивая ко мнѣ толстаго карапузика въ красной рубашкѣ.

— Ванюшка, здоровайся съ барышней, — приказала она сынишкѣ.

Мальчикъ смотрѣлъ на меня букой.

Я протянула ему руку, но онъ не двигался. У него

была грязная рожица, расквашенный носъ и бѣлая, какъ ленъ, головенка.

— А гдѣ-же Василій, Ѳедоръ и Маша?—спросила няня у своей старухи-матери.

— На полѣ, родная! Пашутъ... Къ полдню вернутся... Ну, пойдемка-сь въ горницу... Устали, чай?

И старуха повела насъ съ няней въ избу. Я съ удивленіемъ разсматривала большую комнату съ лавками по стѣнамъ, съ кіотой, полной образовъ, въ углу, со столомъ и большой печью.

Я никогда не была въ избѣ, и все здѣсь меня удивляло. Комната была огорожена ситцевой занавѣской, а наверху были какія-то странныя палки.

Няня сказала мнѣ, что это палати, гдѣ спятъ.

Мнѣ стало очень скучно... Жаль было старой милой квартирки. Здѣсь все было такое чужое, незнакомое...

Мать мужа няни—совсѣмъ сѣдая старуха—показалась мнѣ очень строгой... Она недружелюбно поглядывала на меня и, наконецъ, спросила:

— А когда-же ты, Грунюшка, повезешь барышню къ ихнимъ роднымъ?

— Какъ только придетъ письмо оттуда,—отвѣтила няня,—мы и тронемся.

Въ 12 часовъ старуха стала собирать обѣдъ, говоря, что скоро вернутся съ поля мужъ моей няни, ея братъ Ѳедоръ съ женой Марьей. Я тѣмъ временемъ освободила бѣднаго Мишку изъ кор-

зинки. Онъ выпрыгнулъ, встряхнулся и презабавно сталъ оглядываться, не узнавая новаго мѣста.

— Да ты никакъ съ кошкой еще? — не совсѣмъ любезно проговорила нянина свекровь.

— Нельзя было оставить, Катенькинъ любимчикъ вѣдь это! — не спуская съ рукъ своего сынишки, оправдывалась няня.

— Что-жъ экую невидаль и къ дяденькѣ потащите?—спросила меня мать няни.

Я ничего не отвѣтила. Я начинала ея бояться.

Наконецъ, къ обѣду явились мужъ няни, загорѣлый мужикъ съ черной бородою, и ея братъ Ѳедоръ съ женой.

Всѣ они очень обрадовались ей, громко разговаривали, смѣялись, шутили со мною и разсматривали меня, какъ невиданнаго звѣрька.

Мнѣ было очень грустно. Когда няня придвинула ко мнѣ тарелку со щами (они всѣ ѣли изъ общей миски), изъ глазъ моихъ полились слезы.

— Что ты, Катенька, голубушка? — безпокоилась няня, обнимая меня и цѣлуя.

— По маменькѣ знать затосковала, сердешная, — печально улыбнулась Марья, и сразу ея ласка облегчила мое горе.

«Она добрая», — подумала я и крѣпко прижалась къ моей нянѣ.

Около меня сѣлъ молчаливый Ванюшка, нянинъ сынокъ, и все время не сводилъ съ меня своихъ любопытныхъ глазъ. Послѣ обѣда, состоявшаго изъ щей и каши, всѣ разошлись на работу. Няня помогла

свекрови мыть посуду и мнѣ дали полотенце перетирать деревянныя ложки и ножи.

Въ этотъ вечеръ, ложась спать на новомъ мѣстѣ на одной постели съ няней, я долго и горячо молилась за упокой души моей дорогой мамочки.

ГЛАВА VI.

Новая жизнь. Враги.

Я уже недѣлю жила въ нянииной деревнѣ и понемногу начинала привыкать къ новой жизни. Нянина семья полюбила меня, называла меня Катенькой, а не барышней, Ванюшка не дичился меня, а устроилъ для моей Лили колыбельку изъ щепочекъ. Марья, приходя съ поля, не разъ приносила мнѣ то ландышъ, то подснѣжникъ.

Одна старая Ирина—мать няни—никакъ не могла, казалось, привыкнуть ни ко мнѣ, ни къ моему Мишкѣ. Съ моимъ пріѣздомъ, она уступила мнѣ свою широкую постель, гдѣ спала за ситцевой занавѣской съ Ванюшкой, и это ей не понравилось. Отъ грубой деревенской пищи я было разболѣлась и меня возили къ доктору въ сосѣдній городъ

— Ишь, бѣлоручка, — ворчала старуха, — Ну, да ладно, привыкнешь, не велика птица.

И я понемногу привыкла. Правда, я постоянно думала и плакала о мамѣ, долго бесѣдовала съ Лили о томъ, какъ намъ будетъ тяжело жить у чужихъ,

но все-таки я мало-по-малу освоилась съ семьей няни и помогала чѣмъ могла въ хозяйствѣ: мела горницу, собирала на столъ, мыла горшки и посуду и даже научилась ставить самоваръ.

— Ай да Катенька—молодецъ!—хвалила меня няня, и я вся сіяла отъ этихъ похвалъ.

Мнѣ не хотѣлось быть бѣлоручкой—и вотъ однажды я, когда не было няни, сняла сапоги и чулки и стала пробовать ходить босикомъ по двору.

— Что ты, Катя? — удивился Ванюшка и захохоталъ во все горло.

— Хочу привыкать хотить по-деревенски,—важно отвѣтила я.

Мелкіе камешки и сучья впивались мнѣ въ ноги и больно царапали пальцы. Кое-гдѣ даже выступили капельки крови.

А Ванюшка все хохоталъ надо мною, пока не вернулась няня:

— Катенька, что-жъ это ты такое затѣяла?—вскрикнула она и, схвативъ меня на руки, побѣжала со мною въ избу обмывать мои бѣдныя исцарапанныя ноги.

Послѣ этого я уже не пробовала ходить, какъ всѣ деревенскіе ребятишки. Мнѣ было далеко до нихъ, какъ я ни старалась привыкнуть къ ихъ жизни. Жизнь въ няниной деревнѣ мнѣ начинала нравиться, и скоро я-бы окончательно полюбила ее, еслибъ не мои враги... Старая Ирина все сердитѣе и сердитѣе смотрѣла на меня. Но кромѣ нея, у меня были еще два врага. Не знаю за что, большая рыжая корова

не взлюбила меня и не разъ грозно смотрѣла на меня, потрясая своими страшными рогами. Каждый вечеръ, возвращаясь съ поля въ стадѣ, Буренка, завидя меня на крылечкѣ, бросалась въ мою сторону, страшно тряся головою.

Пастухъ щелкалъ кнутомъ, кричалъ громкимъ голосомъ: «Куда, куда пошла!» Но это не помогало нисколько, и злая корова продолжала идти на меня... Я въ ужасѣ вскакивала съ крылечка и бѣжала въ избу подъ защиту няни, пока Буренку не загоняли въ хлѣвъ.

Не любилъ меня и старый мохнатый дворовый песъ Жучка... Какъ-то разъ Мишка вздумалъ близко подойти къ его конурѣ. Жучка окрысился на него, и отъ Мишки ничего-бы не осталось, еслибъ я не схватила его на руки и не побѣжала съ нимъ отъ злой собачонки. Съ этого времени Жучка не могъ пропустить меня безъ ворчанья мимо своей будки.

Но если у меня были враги, то были и друзья. Куры и цыплята очень любили меня и бросались ко мнѣ со всѣхъ ногъ, лишь только я появлялась на крылечкѣ съ чашкою или тарелкою пшена.

— Цыпъ, цыпъ, цыпъ! — звала я моихъ птичекъ и бросала имъ кормъ съ крылечка.

У меня была любимая курочка «Смолянка» — вся черная, съ бѣлымъ хохолкомъ на головѣ.

Такъ я жила въ няниной деревнѣ въ ожиданіи письма отъ родныхъ, въ которомъ они-бы написали мнѣ, какъ и когда мнѣ выѣхать въ дорогу.

ГЛАВА VII.

За ягодами.

КАТЯ, а Катя, пойдешь, што-ль, съ нами?—спросилъ меня Ваня, проходя мимо огорода съ цѣлой толпою крестьянскихъ ребятишекъ.

Я сидѣла между грядами и рвала траву, желая приготовить изъ нея салатъ моей Лили.

— А вы куда?—освѣдомилась я.

— Въ лѣсъ. Ягоды поспѣли!..—крикнулъ на-ходу мальчикъ, и дѣти веселой гурьбой направились къ лѣсу.

Я сбѣгала въ избу, надѣла на голову платочекъ, подаренный мнѣ няней, и побѣжала догонять ихъ, волоча за руку мою спутницу—Лили.

— Барышня бѣжитъ, барышня! — завидя меня, крикнули ребятишки и остановились подождать меня.

Лѣсъ былъ большой и темный, но ребятишки не боялись ходить туда; они знали каждый кустикъ, каждое деревцо.

Ванюша былъ въ лѣсу, какъ дома.

— Ты, Катя, ступай сюда, а я пойду туда,—ска-

залъ онъ, — а то на насъ двоихъ ягодъ маленько будетъ.

Мы разошлись въ разныя стороны и стали громко перекликаться.

— Ау, барышня!

— Ау-у-у, Ѳедюшка!

— Ау, Ва-а-ня!—неслось по лѣсу.

Мы всѣ быстро перебѣгали съ мѣста на мѣсто, отыскивая въ травѣ красныя ягодки земляники.

Я уже набрала много ягодъ въ мою маленькую корзиночку и теперь собирала ягоды прямо въ ротъ. Онѣ были такія сладкія, вкусныя! Впереди ихъ было такъ много: подъ каждымъ кустикомъ кивала красная головка.

Я шла все дальше и дальше въ лѣсъ, позабывъ о моихъ маленькихъ спутникахъ. Голоса ихъ звучали гдѣ-то далеко и скоро совсѣмъ ихъ не стало слышно. Я зашла въ чащу и увидѣла ручеекъ. На берегу ручья росло нѣсколько спѣлыхъ и крупныхъ ягодокъ земляники. Я сорвала ихъ и, присѣвъ на бережку, съ удовольствіемъ принялась ихъ ѣсть.

Вдругъ раздался отдаленный ударъ грома. Я быстро вскочила на ноги. Небо было темное и покрыто тучами. Мнѣ стало страшно. «Сейчасъ начнется гроза, и я не успѣю добѣжать до опушки»,—мелькнуло въ моей головѣ. Къ тому-же въ лѣсу стало совсѣмъ темно и не слышалось больше дѣтскихъ голосовъ.

— Ваня, ау!—крикнула я, что было силы.

Но никто не отвѣтилъ мнѣ.

Тогда я поспѣшила назадъ къ опушкѣ и шла бы-

стро-быстро, забывъ даже на травѣ у ручья корзиночку съ ягодами и мою бѣдную Лили.

Но чѣмъ дальше я шла, тѣмъ кусты и деревья росли гуще и чаще... Должно быть, я сбилась съ дороги.

ГЛАВА VIII.

Лѣсныя феи и злой колдунъ.

Господи! — подумала я, — что мнѣ дѣлать, какъ выйти изъ этого лѣса?

А въ лѣсу стало еще темнѣе... Я собрала всѣ мои силы и пошла наугадъ.

Деревья по-прежнему росли часто и мѣстами мнѣ казалось, что я попала въ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго мнѣ никакъ не выйти.

Мнѣ вспомнились нянины сказки о лѣсныхъ феяхъ и зломъ колдунѣ и это еще больше встревожило меня.

Наконецъ, ноги мои такъ устали, что я не могла идти дальше.

«Заблудилась!»—съ ужасомъ подумала я и, присѣвъ на большую, покрытую мхомъ кочку, горько, горько заплакала.

Я плакала долго, долго, пока голова моя не отяжелѣла и я не припала головой на мягкую кочку.

Не помню, сколько времени я пролежала такъ на моей новой, зеленой постелькѣ... Меня вдругъ привлекъ легкій шумъ въ ближнемъ кусту. Я подняла голову

и... чуть не вскрикнула. Изъ куста выходила маленькая нарядная дѣвочка съ блестящими крылышками и коронкой на головѣ. Она кивала мнѣ головой и, улыбаясь, подходила ко мнѣ.

— Я лѣсная фея,—говорила она звенящимъ голоскомъ.—А вотъ и мои подруги, такія-же феи.

Изо всѣхъ кустовъ являлись крылатыя маленькія дѣвочки и окружали меня.

— Мы маленькія феи! Здравствуй, милая дѣвочка!—говорили онѣ звонкими тоненькими голосками. — Иди играть съ нами. Мы выучимъ тебя летать по воздуху... Вѣдь мы тоже не умѣли летать, пока были простыми маленькими дѣвочками и не заблудились въ лѣсу, какъ ты.

— И вы теперь живете здѣсь?—спросила я, переставъ бояться моихъ новыхъ подругъ.

— Да, мы теперь лѣсныя феи, — отвѣтила мнѣ первая фея, — и намъ хорошо здѣсь... Одно у насъ горе... Въ этомъ лѣсу есть злой колдунъ, который гоняется за нами, чтобы насъ съѣсть, но колдунъ только пугаетъ насъ, но никогда не поймаетъ, такъ какъ мы можемъ летать въ воздухѣ.

— Никогда! Никогда! Никогда!—зазвенѣли голоса маленькихъ фей, и съ веселымъ смѣхомъ онѣ поднялись на воздухъ въ веселой пляскѣ.

— Колдунъ! колдунъ!—вдругъ неожиданно вскричала первая фея и всѣ онѣ мигомъ поднялись еще выше... Я обернулась назадъ и обмерла отъ страха. Прямо ко мнѣ навстрѣчу шагалъ страшный великанъ съ длинной зеленой бородою, громаднаго роста.

Я вскрикнула, вскочила и бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ. Но страшилище не отставало... Вотъ-вотъ, думалось мнѣ, онъ сейчасъ схватитъ меня своими длинными руками.

Мнѣ уже слышались за моей спиной его тяжелое сопѣнье и злорадный хохотъ.

— Лучше всего упасть! — мелькнуло въ моей головѣ, я сразмаху бросилась на траву и... и проснулась.

Я открыла глаза и увидѣла стараго, сѣдого, высокаго старика...

ГЛАВА IX.

Злой колдунъ оказывается добрымъ волшебникомъ.

ВСТАВАЙ, дитятко, вставай, бѣдная! умаялась,— говорилъ мнѣ чей-то ласковый голосъ

Я открыла глаза и увидѣла стараго, сѣдого, высокаго мужичка съ длинной бѣлой бородою...

«Колдунъ!» подумала я и уже готова была снова вскочить и бѣжать безъ оглядки, но старикъ, видя, какъ я дрожала отъ страха, поспѣшилъ успокоить меня.

— Не бойся, ягодка! Ишь, вѣдь испужалась, сердешная! Заблудилась чай?

— Кто вы?—спросила я, немного успокаиваясь.

— Я дѣдъ Сысой, лѣсной сторожъ! А ты за кого-же меня приняла, барышня?

Мнѣ было стыдно признаться, что я приняла лѣсного сторожа за колдуна и я ничего не отвѣтила.

Дѣдушка Сысой разспросилъ меня, какъ я попала въ лѣсъ и откуда. Я разсказала ему все и просила поскорѣе проводить въ деревню, чтобы успокоить няню.

— Да знаешь-ли, барышня, что твоя деревня-то ой-

ой какъ далеко?—покачалъ головой Сысой,—и теперь ты не сможешь дойти. Переночуй-кась у меня въ избушкѣ, а завтра я тебя отведу съ Богомъ.

Нечего было дѣлать—пришлось ночевать въ лѣсу въ маленькой сторожкѣ дѣда Сысоя. До его жилья было очень близко. Избушка была скрыта деревьями, и лишь по огоньку, мелькавшему въ окошкѣ, мы нашли ее.

Комнатка показалась мнѣ крошечной, но я такъ устала и измучилась, что рада была хоть такому жилью.

Дѣдушка Сысой налилъ въ глиняную чашку горячихъ щей и, отрѣзавъ два большіе ломтя чернаго хлѣба, позвалъ меня ужинать. Черный хлѣбъ и горячія щи очень понравились мнѣ. Я порядочно проголодалась и поѣла съ большимъ аппетитомъ. Помолясь Богу, Сысой устроилъ мнѣ на лавкѣ постель изъ своего кафтана и одѣяла, а самъ полѣзъ на лежанку.

Я долго не могла уснуть, поминутно пугаясь крика совы и другихъ лѣсныхъ звуковъ, но, наконецъ, уснула мирнымъ и сладкимъ сномъ.

Утромъ, съ восходомъ солнца, старикъ разбудилъ меня, и мы тотчасъ-же пустились въ дорогу.

Чѣмъ ближе подходила я къ деревнѣ, тѣмъ больше волновалась за няню. Бѣдняжка вѣрно всѣ слезы выплакала, когда узнала о пропажѣ своей маленькой Кати. Уже у самой опушки лѣса встрѣтили мы Василья и Ѳедора, искавшихъ меня цѣлую ночь. Они и не подозрѣвали, что я могла уйти такъ далеко и ночевать у Сысоя, жившаго чуть не за 10 верстъ отъ

опушки. Добрые люди очень обрадовались мнѣ. Няня, оказывается, страшно плакала и не спала цѣлую ночь.

— И Ванюшкѣ досталось, что не доглядѣлъ, — разсказывали они.

Няня издали увидѣла меня и, смѣясь и плача, бросилась со всѣхъ ногъ на встрѣчу...

— Ужь больше ни на шагъ не отпущу, Катенька, ахти, грѣхъ какой!—говорила она, покрывая мое лицо и руки поцѣлуями.

Всѣ обрадовались мнѣ. Мишка бросился ко мнѣ и сталъ ласться у моихъ ногъ. Ирина и та взглянула ласковѣе... А Марья дала мнѣ припрятанный ею для меня паточный леденецъ. Всѣ благодарили Сысоя и угощали его въ избѣ, чѣмъ Богъ послалъ. Тутъ только я вспомнила, что чего-то мнѣ не хватаетъ.

Боже мой, Лили! Моя бѣдная Лили осталась у ручья въ лѣсу—сторожить мою корзиночку съ земляникой.

— Что съ тобой, Катенька, о чемъ ты?—спросила няня, видя, что я собираюсь плакать.

— Ахъ, няня, няня, я забыла въ лѣсу мою Лили!

— Это куклу-то!—засмѣялись мужички,—ну, Богъ съ ней, пусть останется у дѣдушки Сысоя погостить на вольномъ воздухѣ.

Они шутили, не подозрѣвая, какъ мнѣ жаль моей Лили. Ее мнѣ подарила мама.

ГЛАВА X.

Какъ я стала учительницей. На сѣнокосѣ.

ПРОШЛА недѣля съ моего приключенія въ лѣсу. Какъ-то утромъ няня принесла мнѣ письмо, полученное отъ дяди. Дядя ждалъ меня къ себѣ и очень радовался, что у его дочери Лизочки будетъ новая подруга.

«Я думаю, что ты, Катя, очень похожа на свою маму, съ которой мы были такъ дружны! Пріѣзжайже скорѣе, мы всѣ ждемъ тебя».

Такъ заканчивалось письмо дяди.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, нянечка!—запрыгала я отъ радости вокругъ моей дорогой няни.

— Поѣдемъ-то мы поѣдемъ, Катенька, да только не сейчасъ; вотъ сѣнокосы подходятъ, и матушка проситъ меня остаться помочь имъ въ уборкѣ сѣна. А тамъ и нашъ праздникъ храмовой поспѣетъ и надо будетъ сходить на богомолье въ городъ, тамъ и ярмарка три дня бываетъ!—поясняла мнѣ няня.

Я никогда не была на ярмаркѣ и потому даже обрадовалась остаться. Мнѣ даже немного жалко было

разстаться съ деревней, гдѣ я успѣла привыкнуть къ Марьѣ, Смолянкѣ, огороду и бѣлобрысому Ванюшѣ.

Дяди, тети и кузины Лизочки я еще не знала, а здѣсь мнѣ все было знакомо: вотъ почему я и не огорчилась особенно отложеннымъ отъѣздомъ.

Одно меня печалило: постоянное ворчанье Ирины... Я замѣтила, что строптивая старуха очень любитъ своего маленькаго внука и неохотно отпускаетъ его отъ себя даже въ школу

— Балуются они тамъ только, ребятишки-то... Тутъ работать надо, помогать, а онъ азы твердитъ... — ворчала она не разъ, отправляя Ваню въ школу.

У меня между игрушками была припрятана моя старая азбука, по которой мамочка учила меня читать.

Какъ-то вечеромъ я показала ее Ванюшкѣ. Онъ увидѣлъ хорошенькую книжку съ картинками и сказалъ, что по такой-то легче учиться, нежели въ школѣ.

— Хочешь я тебя выучу?—предложила я мальчику.

— Ты-то?—недовѣрчиво покачалъ онъ головою.— Ты развѣ учительница?

— А ты попробуй!

И усадивъ его въ огородѣ между грядами капусты, я стала водить пальцемъ по страницѣ и называть ему буквы. Буквы Ваня еще выучилъ въ школѣ и мнѣ оставалось самое трудное—выучить его складамъ.

Склады подвигались медленнѣе, Ваня старался до поту и скоро сложилъ слова: баба, мама и вода.

Мы уже принялись за слово изба, какъ вдругъ послышалось мычанье возвратившагося стада, и злая Буренка заглядывала за плетень огорода.

— Ну, на сегодня довольно, а завтра будемъ еще учиться,—сказала я и, чтобы подбодрить моего ученика, прибавила:—когда ты выучишься читать—я подарю тебѣ эту книжку.

Ванюшка такъ обрадовался моему обѣщанію, что самъ торопилъ меня садиться за книжку. Ирина очень довольна была нашими занятіями и смотрѣла на меня гораздо ласковѣе.

— Не балуетъ парнишка! Съ ребятами не дерется и то хорошо!—говорила она и даже погладила меня какъ-то по головкѣ.

Между тѣмъ наступили сѣнокосы. Мы съ Ваней съ утра побѣжали въ поле, гдѣ уже работали «старшіе». Я едва узнала няню въ сарафанѣ и платочкѣ.

— Нянечка, какая ты смѣшная!—крикнула я ей еще издали.—Зачѣмъ ты такъ одѣлась?

— Жарко, Катенька, да и въ городскомъ платьѣ косить неудобно.

Я сѣла на скошенное мѣсто и смотрѣла, какъ красиво ложилась высокая, зеленая трава подъ косами работниковъ. Они косили безъ отдыха, изрѣдка только кто-нибудь изъ бабъ подходилъ покормить и покачать ребенка, спавшаго тутъ-же на сѣнѣ, или испить квасу, принесеннаго ребятишками изъ деревни.

— Катя, Катя, бѣги сюда, бѣги скорѣе,—кричала мнѣ няня, отошедшая довольно далеко.

Я вскочила съ травы и кинулась къ ней взапуски съ Ванюшей.

ГЛАВА XI.

Нянина находка.

ТИШЕ, дѣти, тише, не растопчите!—останавливала насъ няня, закрывая отъ насъ собою что-то лежащее въ травѣ.

— Что это тамъ, нянечка?—сгорала я отъ любопытства.

— Да это птенчики!—вдругъ весело вскричалъ Ванюша, успѣвъ заглянуть черезъ руку матери.

— Птенчики, да, нянечка?—и я наклонилась къ травѣ и увидѣла маленькое гнѣздышко, въ которомъ пищали четыре крохотныя, еще почти голенькія птички.

— Это онѣ мать кличутъ, ишь какъ зовутъ-то, сердешныя! — ласково говорила няня, и взявъ гнѣздышко въ руки, стала согрѣвать птичекъ своимъ дыханіемъ.

— Мама, мы ихъ домой возьмемъ?—спросилъ Ваня.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ же онѣ безъ матери останутся, онѣ умрутъ!—возразила я.

Мнѣ очень хотѣлось взять домой малютокъ, вы-

кормить ихъ и вырастить, но мнѣ было жаль ихъ мамы—бѣдной маленькой птички—мамы, которая, вѣроятно, полетѣла за кормомъ своимъ птенчикамъ и будетъ очень плакать, если не найдетъ своего гнѣздышка.

«А тутъ ихъ съѣстъ кошка, или злые мальчишки разорятъ гнѣздышко»,—вдругъ пришло мнѣ въ голову.

— Что-же дѣлать, нянечка? — приставала я къ ней.—Придумай что-нибудь, пожалуйста!

— А дома съѣстъ Мишка!—догадался Ваня.

— Это правда, дѣти! И чтобы ничего этого не случилось, сдѣлаемъ такъ. Птички останутся здѣсь до вечера и мы покараулимъ—прилетитъ или нѣтъ къ нимъ ихъ мама. Если птичка не вернется въ гнѣздышко, то мы унесемъ его съ собою и помѣстимъ птичекъ тамъ, гдѣ Мишка ихъ не достанетъ. Только вы стерегите хорошенько.

Я и Ваня ужасно обрадовались новому занятію. Цѣлый вечеръ до самаго окончанія работъ мы не сходили съ мѣста, поджидая птичку. Но она не прилетѣла. Тогда мы съ радостью взяли гнѣздышко съ собою.

Мы съ Ванюшей несли его поочереди до дома. Уморительно и жалко было смотрѣть на неоперившихся птенчиковъ, такъ смѣшно вытягивавшихъ шейки и выводившихъ свое: «піу, піу».

Придя въ избу, мы прежде всего заперли въ кладовку Мишку, потомъ наловили комаровъ и червячковъ и накормили ими нашихъ маленькихъ питомцевъ.

Они скоро перестали пищать и уснули, уткнувъ подъ крылышки свои большіе желтые носики. Передъ ночью, однако, они снова захотѣли ѣсть и запищали на разные лады. Мы наловили комаровъ и накормили маленькое семейство.

ГЛАВА XII.

Въ городѣ.

Когда мы подходили на другое утро къ городу, во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола. Няня не велѣла мнѣ отходить отъ нея ни на улицѣ, ни въ церкви, боясь потерять меня въ толпѣ.

Она крѣпко держала меня за руку, а Марья вела Ванюшу. На улицѣ было очень шумно и людно. Еле-еле пробрались мы къ церкви и встали у паперти. Въ церковь нельзя было войти. Народъ стоялъ тамъ большой толпой и нигдѣ не было ни мѣстечка.

По окончаніи службы, изъ церкви понесли образа, и пѣвчіе со священникомъ пошли на площадь и по улицамъ города.

— Это крестный ходъ,—пояснила мнѣ няня и провела меня подъ самыми образами среди цѣлой вереницы молящихся.

Мнѣ было такъ весело и пріятно слышать пѣніе, видѣть блестящія на солнышкѣ ризы образовъ и пеструю толпу!

Мы пошли вслѣдъ за крестнымъ ходомъ и вернулись снова къ церкви.

— Ну, вотъ и помолились Боженькѣ,—весело сказала няня,—а теперь закусимъ да и на ярмарку.

Въ церковной оградѣ многіе богомольцы уже разложили свои пожитки и закусывали на скорую руку.

Тутъ-же сидѣли и нищіе, слѣпые и разные убогіе, распѣвая духовныя пѣсни.

— Добрые люди, подайте бѣдному безногому! —раздался за нами жалобный голосъ.

Я обернулась и увидѣла несчастнаго калѣку, у котораго не было ногъ отъ самыхъ колѣней.

Мнѣ стало до слезъ жаль его.

— Няня, нянечка,—шептала я, дергая няню за платье,—дай ему копѣечку...

— Сейчасъ, Катенька,—и она полѣзла въ карманъ и, доставъ мѣдную денежку, подала мнѣ для передачи бѣдняку.

Я протянула руку и чуть не вскрикнула: у бѣднаго калѣки не было ни одного пальца на рукахъ.

«Господи! Господи!—думала я,—вотъ мы всѣ здоровые, довольные, сытые, а онъ, бѣдный, какъ долженъ мучиться! А я еще капризничаю подчасъ, когда не исполнятъ мои прихоти, а у этого бѣдняка нѣту самаго необходимаго».

ГЛАВА XIII.

На ярмаркѣ. Медвѣдь напугалъ.

О чемъ ты, Катенька?—утѣшала меня няня, видя, что я горько плачу.

— Ахъ, нянечка, еслибъ ты знала, какъ мнѣ жаль его!—призналась я.

— Чтожъ дѣлать, моя дѣвочка, слезами не поможешь, а вотъ лучше молись Боженькѣ за всѣхъ бѣдныхъ и убогихъ, и Господь твоими молитвами поможетъ имъ.

— Да, да, нянечка, буду молиться! Непремѣнно,— обѣщала я.

— Ну, а теперь пойдемте на ярмарку, налѣво кругомъ—маршъ!—скомандовалъ дядя Василій, поднимаясь съ мѣста.

— Платки, чулки, бусы, сережки, кольца! — раздавался звонкій голосъ продавца-ларешника на одномъ концѣ площади.

— Леденцы паточные, орѣхи каленые, пряники свѣжіе!—кричалъ другой голосъ.

— Шелкъ, сукно, бархатъ, ленты!— выкрикивалъ третій.

У меня голова кружилась отъ этого шума. Я крѣпко прижималась къ нянѣ, боясь отстать отъ нея на шагъ.

Деревенскія дѣти и дѣвушки въ яркихъ сарафанахъ сновали между ларьками, покупали гостинцы и бойко торговались...

— Что тебѣ купить, Катенька?—спрашивали меня съ двухъ сторонъ то Марьюшка, то няня.

Ванюша уже получилъ отъ отца сусальнаго конька и цѣлую шапку орѣховъ.

— Дудку-бы еще, тятя,—попросилъ мальчикъ.

— Ну, дудку — такъ дудку!— и дядя Ѳедоръ сторговалъ племяннику дешевую игрушку.

Ванюша весь сіялъ отъ удовольствія, прижимая къ груди подарки. Мнѣ, избалованной городской дѣвочкѣ, не могли нравиться эти дешевыя, грубыя игрушки, и на вопросъ «что мнѣ хочется» я поблагодарила няню и попросила ее позволить мнѣ прокатиться на каруселяхъ.

— Ну, хорошо,—согласилась няня,—дядя Василій проведетъ тебя къ каруселямъ; только ты слушайся его и будь умница.

Василій взялъ меня за руку и подвелъ къ палаткѣ, въ которой кружилось подъ музыку нѣсколько деревянныхъ лошадокъ съ сѣдоками и саночками.

Меня посадили въ саночки и я закружилась очень быстро... Къ Василію въ эту минуту подошелъ его знакомый мужичокъ и они разговорились неподалеку отъ карусели. Лошадки и саночки кружились все скорѣе и скорѣе... Наконецъ, онѣ остановились. Я вы-

лѣзла изъ саночекъ и хотѣла подойти къ Василію, какъ вдругъ около меня поднялась суматоха.

— Медвѣдь! медвѣдь идетъ!—кричали кругомъ.

Я страшно испугалась и чуть не закричала, но скоро успокоилась.

Медвѣдь былъ на цѣпи... Его велъ хозяинъ. Я видѣла медвѣдей до сихъ поръ на картинкахъ и въ клѣткѣ въ Зоологическомъ саду, куда меня водила мама. А тутъ вдругъ большой, настоящій медвѣдь на волѣ, совсѣмъ около меня! Мнѣ стало страшно... Я хотѣла позвать дядю Василія, но толпа, подошедшая смотрѣть медвѣдя, заслоняла его отъ меня.

— А ну-ка, Мишенька, какъ ребята горохъ воруютъ!—закричалъ вожакъ.

И Мишка, смѣшно переваливаясь, показывалъ видъ, точно что-то собираетъ на землѣ и кладетъ въ карманъ. При этомъ онъ такъ смѣшно оглядывался по сторонамъ, что всѣ хохотали.

— Ну-ка, а теперь, Мишенька, какъ бабы за водой ходятъ! — сказалъ вожакъ и подалъ медвѣдю палку.

Тотъ положилъ ее на спину въ родѣ коромысла и пошелъ вокругъ переваливаясь.

— Ай да Миша, молодецъ!—кричали въ толпѣ,— а ну-ка еще, еще!

Но медвѣдь больше не хотѣлъ, усталъ да и жарко было. Какъ ни уговаривалъ его хозяинъ—онъ не слушался.

— Ишь ты, какой упрямый, ну, погоди-же, я тебя выучу слушаться, — разсердился вожакъ и изо всей

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

силы ударилъ Мишку. Медвѣдь зарычалъ и вскочилъ на ноги такъ быстро, что вырвалъ цѣпь изъ рукъ вожака и бросился въ толпу. Всѣ со страшнымъ крикомъ кинулись въ разныя стороны. Я побѣжала, громко крича и плача, по площади вслѣдъ за толпою. Мнѣ все казалось, что страшный Мишка гонится за мною, и я все бѣжала, бѣжала безъ оглядки по длиннымъ, незнакомымъ улицамъ... и, наконецъ, забѣжавъ на какой-то пустынный дворикъ, упала на крыльцѣ маленькаго домика.

ГЛАВА XIV.

Маленькій Альфъ изъ цирка господина Ленча.

ДѢВОЧКА, а дѣвочка, что съ тобою? Зачѣмъ ты лежишь здѣсь? Ты больна?—услышала я тоненькій голосокъ.

Я открыла глаза и увидѣла маленькаго, худенькаго мальчика въ старомъ рваномъ костюмчикѣ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ меня мальчикъ,—и какъ ты здѣсь очутилась?

Я разсказала ему, какъ попала на ярмарку, испугалась медвѣдя и потеряла няню.

— А ты кто? — спросила я моего новаго знакомаго.

— Я—Альфъ... Канатный плясунъ изъ цирка господина Ленча.

— Ахъ, такъ ты, значитъ, тотъ маленькій мальчикъ, который ходитъ по канату на воздухѣ? — удивилась я.

Я вспомнила, какъ мама водила меня въ циркъ

смотрѣть на клоуновъ, акробатовъ и дрессированныхъ собачекъ.

— Да, я хожу по канату. Но, знаешь, дѣвочка, лучше тебѣ уйти отсюда, прежде чѣмъ придетъ хозяинъ домой. Онъ теперь въ циркѣ приготовляетъ все къ вечернему представленію, но бѣда, если онъ вернется.

— Но почему-же? Твой хозяинъ навѣрное научитъ меня, какъ отыскать няню и даже проводитъ къ ней.

— Нѣтъ, дѣвочка, ты не знаешь нашего хозяина. Онъ собираетъ маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ и учитъ ихъ разнымъ труднымъ штукамъ. Теперь у насъ умерла самая маленькая дѣвочка — Роза, которую называли «Воздушная фея», и ее некому замѣнить. Если хозяинъ увидитъ тебя, онъ уже не отпуститъ тебя домой и ты займешь мѣсто Розы.

— А онъ дурно обращается съ вами? — со страхомъ спросила я мальчика.

— О, хозяинъ очень злой человѣкъ, онъ больно бьетъ насъ и плохо кормитъ. Ахъ, какъ страшно ходить по канату, если-бъ ты знала! Но нельзя показывать боязни, а надо улыбаться... Иначе господинъ Ленчъ больно прибьетъ послѣ представленія... Ну, пойдемъ-же, я выведу тебя на ярмарочную площадь, пока не пришелъ хозяинъ, — спохватился мой новый знакомый и, взявъ меня за руку, повелъ по улицѣ.

ГЛАВА XV.

Маленькая наѣздница Клара.

Мы прошли нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ маленькій Альфъ выпустилъ мою руку и весь затрясся отъ страха. Прямо намъ навстрѣчу шагалъ толстый, высокій господинъ въ большой шляпѣ, ведя за руку дѣвочку моихъ лѣтъ или немного старше, съ капризнымъ надутымъ личикомъ!

— Ты что тутъ дѣлаешь, бездѣльникъ, и откуда эта дѣвочка?—грубо крикнулъ хозяинъ.

— Я нашелъ дѣвочку у насъ на дворѣ и велъ ее въ циркъ, сударь, — проговорилъ Альфъ дрожащимъ голоскомъ.

— Нечего тащить ее туда. Иди за нами!—приказалъ г. Ленчъ строгимъ голосомъ.

— Но я хочу къ нянѣ,—заплакала я.

— Дѣлай, что тебѣ сказано. Няни ты все равно не найдешь, а останешься у насъ. Мнѣ нужна маленькая наѣздница.

Видя, что я готова разрыдаться, Альфъ стиснулъ мою руку и шепнулъ: «Ради Бога, не плачь, не

серди его, мы убѣжимъ съ тобою, убѣжимъ непремѣнно!»

Г. Ленчъ привелъ насъ домой и заперъ меня на ключъ въ какой-то грязной, маленькой комнаткѣ. Я горько плакала, билась въ дверь, звала няню. Напрасно... меня никто не слышалъ. Наконецъ, измученная слезами, я упала на полъ и сразу заснула.

На другой день я едва успѣла проснуться, какъ щелкнулъ замокъ и вошелъ въ комнату мой новый хозяинъ.

— Послушай, дѣвочка, ты останешься у меня; я тебя выучу продѣлывать всякія штуки на лошади и если ты будешь умной и послушной, дамъ тебѣ гостинцевъ и игрушекъ, а если начнешь упрямиться — берегись! Со мной шутки плохи. А теперь ступай въ циркъ, да только прежде зайди къ мадамъ Ленчъ: она передѣлаетъ тебя въ Клару... И чтобъ ты не забыла свое новое имя, слышишь!

Мадамъ Ленчъ—толстая и рыхлая барыня—сняла съ меня мое платьице и одѣла въ коротенькую юбочку и узкую кофту ея дочери. Мои волосы, заплетенные въ двѣ косы, она отрѣзала большими ножницами и завила на щипцахъ мелкими кудряшками. Потомъ надѣла мнѣ на голову широкую шляпу... Я совсѣмъ измѣнилась и навѣрное даже няня не узнала-бы меня въ такомъ видѣ.

Въ циркѣ, большомъ сѣромъ сараѣ, меня подвели къ смирной бѣлой лошади и посадили на широкое сѣдло.

Я вся дрожала отъ страха упасть. Господинъ Ленчъ научилъ меня править и крѣпко сидѣть въ сѣдлѣ. Онъ такъ страшно смотрѣлъ на меня злыми глазами и такъ громко кричалъ, что я боялась его гораздо больше лошади.

Полъ цирковой площадки былъ усыпанъ пескомъ и упасть было не страшно. Но за кого я боялась — такъ это за Альфа. Онъ кувыркался на воздушной трапеціи очень высоко надъ землею, готовясь къ вечернему представленію.

— Очень хорошо, дѣвочка!—сказалъ мнѣ хозяинъ, когда прислужникъ снялъ меня съ лошади,—на тебѣ леденецъ за то, что была понятлива,—и онъ протянулъ мнѣ конфетку и пошелъ смотрѣть на Альфа.

Въ эту минуту на арену выскочили два большихъ клоуна, которые прыгали другъ черезъ друга, катались по песку и награждали другъ друга шлепками и пощечинами.

Выѣхала на маленькомъ осликѣ и сама малютка Ленчъ. Она важно сошла съ сѣдла и протанцовала какой-то живой танецъ на пескѣ.

Два мальчика, Бобъ и Гансъ, одѣтые индѣйцами, преслѣдовали ручную обезьянку Макаку.

Хозяйская дочь подошла ко мнѣ и гордо сказала:

— Съ сегодняшняго вечера ты будешь одѣвать меня къ представленію.

Въ эту минуту Альфъ кончилъ свои упражненія и слѣзъ къ намъ по канату.

— Что это у тебя?—спросилъ онъ, увидя въ моей рукѣ леденецъ, данный мнѣ хозяиномъ.

— Возьми, если хочешь, я не хочу сладкаго,— протянула я моему новому товарищу конфетку, но подоспѣвшій Бобъ перехватилъ ее и запихалъ себѣ въ ротъ.

— Не зѣвай!—громко расхохотался онъ въ лицо бѣдному Альфу.

— Ну вы, тише!—сердито прикрикнула маленькая хозяйка—Маргарита или Марго, какъ ее называли въ циркѣ.

ГЛАВА XVI.

Я начинаю свою службу. Первая неудача.

ВЕЧЕРОМЪ было большое представленіе въ циркѣ. Всѣ ушли туда, а меня снова заперли въ той-же маленькой комнатѣ. Господинъ Ленчъ боялся еще выпустить меня, думая, что меня будутъ искать и узнаютъ въ маленькой наѣздницѣ Кларѣ пропавшую Катю.

Три дня пробылъ циркъ въ городѣ и каждое утро я училась ѣздить верхомъ на бѣлой лошади Свѣтланѣ, а вечеромъ меня запирали на ключъ на время представленія. Кормили насъ очень плохо... Даже скромная деревенская нянина пища казалась мнѣ гораздо вкуснѣе этой картофельной похлебки и чернаго жесткаго хлѣба.

Я горько плакала, ложась спать въ моей каморкѣ, и горячо молилась, прося Боженьку возвратить меня нянѣ.

Изъ четырехъ дѣтей труппы я подружилась только съ Альфомъ—такимъ-же бѣднымъ сироткой, какъ и я сама Марго возненавидѣла меня съ перваго дня. Она

была очень злая и капризная дѣвочка... Бобъ и Гансъ всячески дразнили и запугивали меня, поминутно дергая за волосы и неожиданно награждая пинками и щипками. А когда Альфъ заступался, они вдвоемъ набрасывались на бѣднаго мальчика и колотили его по чему попало. За то Альфъ былъ чудный, добрый ребенокъ. Избитый и обиженный, онъ уговаривалъ меня не плакать: «Мы убѣжимъ, Катя, убѣжимъ непремѣнно!»—говорилъ онъ сквозь слезы.

Наконецъ, циркъ снялся и мы пустились въ дорогу.

Чѣмъ дальше отъѣзжали мы отъ города, тѣмъ суровѣе относился ко мнѣ хозяинъ. Въ городахъ мы останавливались дня по 3—4, а въ иныхъ и цѣлую недѣлю.

— Ну, Клара,—сказалъ мнѣ какъ-то г. Ленчъ,—сегодня ты выступаешь, довольно ѣсть даромъ мой хлѣбъ..

Я испугалась ужасно. Правда, я очень сносно ѣздила на Свѣтланѣ, вскакивала въ сѣдлѣ, ѣхала на полномъ ходу стоя или спиной къ головѣ лошади и нѣсколько разъ подъ-рядъ переворачивалась въ сѣдлѣ, но каждый разъ я дрожала отъ страха, боясь упасть.

Вечеромъ госпожа Ленчъ одѣла меня въ свѣтлую, блестящую юбочку и атласный лификъ.

Послѣ кривляній двухъ клоуновъ, конюхъ вывелъ на арену Свѣтлану.

Я видѣла, какъ Гансъ и Бобъ высунули языки, а добрый Альфъ кивнулъ мнѣ головой. Мнѣ вспомнилась няня, которая такъ горячо любила меня, замѣняя покойную маму. Я вся въ слезахъ повернула Свѣт-

лану обратно съ арены, но въ ту-же минуту Ленчъ подскочилъ къ лошади и, ударивъ ее хлыстомъ изо всей силы, процѣдилъ сквозь зубы:

— Берегись, дрянная дѣвчонка, испортить мнѣ представленіе!

Я увидѣла такое страшное и злое лицо, что опрометью бросилась назадъ. Сколько головъ и огней! Всѣ смотрятъ на меня—маленькую дѣвочку, какъ я ловко прыгаю въ сѣдлѣ и перескакиваю препятствія. Они не знаютъ, всѣ эти люди, какъ мнѣ тяжело, трудно и какъ хочется плакать! Я увидѣла въ креслахъ маленькую дѣвочку, сидѣвшую подлѣ ея мамы... Она смотрѣла съ такой завистью на мое блестящее нарядное платьице и на всѣ мои фокусы.

— Глупенькая, маленькая дѣвочка,—хотѣлось мнѣ крикнуть ей,—не завидуй мнѣ. Ты гораздо счастливѣе меня, у тебя есть мама и комнатка, и куклы, и няня, которая тебя любитъ! Тебя не обижаютъ Гансъ и Бобъ и ты не дрожишь отъ страха каждую минуту! Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось помѣняться съ тобой!

А Свѣтлана все скачетъ и скачетъ. Я прыгаю черезъ большой обручъ, стараясь не задѣть его... Вотъ еще одинъ послѣдній разъ и я могу уѣхать съ глазъ публики. Я еще разъ посмотрѣла на маленькую дѣвочку, сидѣвшую рядомъ съ ея мамой, и вмѣсто того, чтобы попасть въ обручъ, задѣла его и выбила изъ рукъ клоуна...

ГЛАВА XVII.

Апельсинъ добраго Альфа.

СКВЕРНАЯ, гадкая лѣнтяйка! Чего зазѣвалась? Что ты тамъ не видала? Я тебя выучу глазѣть по сторонамъ!

Я вся дрожала, слушая эту брань г-на Ленча. Я боялась плакать... боялась извиняться. Онъ трясъ меня въ воздухѣ, сжавъ руками, какъ въ тискахъ.

— На хлѣбъ и на воду! Въ темную! Бобъ, отведи ее! Въ другой разъ не будетъ упрямиться.

Я не поняла сначала, куда ведетъ меня злой Бобъ, и опомнилась только тогда, когда за мною щелкнула задвижка и я очутилась впотьмахъ.

Это была крошечная комнатка, гдѣ лежали костюмы и всякія принадлежности, сюда-же сажали въ наказаніе за проступки.

— Бобъ, не уходите, — просила я, слыша его шаги за дверью.—Дайте хоть огня!

— Ладно, и впотьмахъ посидишь,—крикнулъ въ отвѣтъ мальчикъ,—не велика птица!

И онъ ушелъ, не слушая моихъ упрашиваній. Мнѣ

хотѣлось ѣсть, я устала и страшно мнѣ было въ этой темной каморкѣ.

Прижавшись въ уголъ, я плакала навзрыдъ, ища няню, называя ее самыми ласковыми именами, точно она могла слышать меня.

— Если я попаду опять на свободу, я никогда, никогда не буду капризничать и упрямиться, а буду самой послушной дѣвочкой,—обѣщала я, зажмуривая глаза, чтобы не видѣть темноты.

Вдругъ въ дверь мою постучали.

— Кто тамъ?—спросила я.

— Тише... Это я... Альфредъ,—раздалось за дверью. —Я убѣжалъ изъ дому и принесъ тебѣ кое-что.

— Альфъ, голубчикъ! какъ я рада!

Онъ вошелъ ощупью и сунулъ мнѣ въ руку булку и что-то круглое, холодное.

— Что это?—спросила я.

— Это апельсинъ, который мнѣ бросили добрые господа во время моихъ фокусовъ.

ГЛАВА XVIII

Я дѣлаю успѣхи.—Что посовѣтовалъ Альфъ.

А ты почему не ѣшь апельсина?

— Я уже съѣлъ свою долю. Мнѣ бросили два апельсина,—сказалъ добрый мальчикъ,—только кушай скорѣе, а то мнѣ надо уйти и унести корки, чтобы не замѣтили ихъ завтра.

— Иди, Альфъ, и возьми твой апельсинъ, мнѣ не хочется ѣсть!—сказала я, чувствуя, что милый мальчикъ отдалъ мнѣ свое первое, можетъ быть, и послѣднее лакомство.

Онъ долго не хотѣлъ согласиться. Наконецъ, мы порѣшили раздѣлить апельсинъ пополамъ и съѣсть его сообща

Скоро Альфъ ушелъ, успокоивъ меня, что и въ темнотѣ со мною будетъ Боженька и бояться мнѣ нечего.

И правда, послѣ ухода Альфа, мнѣ уже не было страшно.

Мы ѣздили изъ города въ городъ и я стала привыкать понемножку къ моей новой жизни.

Къ тому-же Альфъ не отходилъ отъ меня ни на минуту и мнѣ было легче съ добрымъ мальчикомъ. Я старалась угодить г-ну Ленчу и внимательно продѣлывала мои фокусы. Даже съ Марго я научилась ладить, отдавая ей все, что мнѣ бросали посѣтители цирка. А мнѣ бросали больше, чѣмъ кому-либо, лакомствъ, потому что я была самая маленькая наѣздница. Теперь я уже ѣздила не только на Свѣтланѣ, но и на Арапчикѣ—самой быстрой и опасной лошади.

Однажды мы пріѣхали въ большой городъ.

— Какъ онъ называется?—спросила я у старшихъ клоуновъ.

— А тебѣ на что? ужь не хочешь-ли ты сбѣжать?—засмѣялся клоунъ Дикъ.—А городъ этотъ Т. и ты не убѣжишь, такъ какъ онъ очень далеко отъ твоей деревни.

Т... Какое знакомое названіе! Кто мнѣ говорилъ объ этомъ городѣ? Ахъ, да! вспомнила: няня писала въ Т. моему дядѣ, у котораго я должна была жить! Господи! неужели я не найду моихъ родныхъ! Помоги мнѣ, Боже!

Я все разсказала Альфу.

— А ты знаешь, какъ зовутъ твоего дядю?—спросилъ онъ.

— Да, знаю: дядя Петя.

— А дальше...

— Не знаю.

— Такъ тебѣ не найти его, милочка,—печально сказалъ Альфъ.

— Но, Альфъ, голубчикъ, значитъ я никогда

не найду родныхъ! вѣдь отсюда мы уѣдемъ еще дальше.

Альфъ задумался и вдругъ весело крикнулъ:

— Знаешь, Катя (онъ никогда не называлъ меня Кларой), я придумалъ вотъ что. Завтра, послѣ утреннихъ упражненій, мы тихонько убѣжимъ изъ цирка, дойдемъ до городового и попросимъ его отвести насъ въ полицію. Тамъ мы разскажемъ все, какъ было, и попросимъ написать въ газетѣ, что ты ищешь своего дядю, а пока будемъ ждать въ полиціи...

— Ахъ, какъ хорошо ты придумалъ, Альфъ,— захлопала я въ ладоши.—Только ты куда дѣнешься?

— Я попрошу твоего дядю опредѣлить меня на мѣсто.

— Развѣ ты сумѣешь работать? ты вѣдь такой маленькій...

— Я умѣю мыть посуду, колоть дрова, топить печи, чистить сапоги. Когда я былъ у мамы, она служила кухаркой и я помогалъ ей. Меня звали тогда Яшей, а не Альфомъ... Альфредомъ прозвалъ меня этотъ злой Ленчъ.

— Вотъ и отлично... ты будешь служить у дяди, а когда накопишь денегъ,—поступишь въ школу!— рѣшила я, радуясь, что могу не разлучаться съ моимъ другомъ.

Рѣшили завтра спрятаться гдѣ-нибудь послѣ упражненій и когда Ленчъ уйдетъ домой обѣдать, бѣжать въ полицію.

На слѣдующій день господинъ Ленчъ былъ особенно сердитъ и поминутно злился. Онъ уже отхле-

сталъ Боба и Ганса за то, что они толкнули Марго, кричалъ на клоуна Дика и не разъ грозилъ наказаніемъ Альфу.

Но мы не огорчались. Я знала, что еще немного—и я не буду слышать этихъ криковъ, не увижу побоевъ.

Альфъ кончилъ свои фокусы, слѣзъ внизъ и шепнулъ, проходя мимо меня:

— Постарайся, Катя, онъ скорѣе отпуститъ.

ГЛАВА XIX

Попались!

Я продѣлала въ тотъ разъ самыя опасныя штуки на бѣшеномъ Арапчикѣ, но хозяинъ поминутно бранилъ меня и топалъ ногами. Я должна была показать новый фокусъ: подпрыгнуть съ Арапчика, схватившись за канатъ, повиснуть на одной рукѣ въ воздухѣ, пока лошадь не обѣжитъ арены, и снова встать въ сѣдло. Это было очень трудно, но я исполнила все какъ слѣдуетъ.

Хозяинъ и тутъ не похвалилъ меня...

— Ай да Кларка!—крикнули Бобъ и Гансъ въ одинъ голосъ,—молодецъ дѣвчонка! А Марго завидуетъ, смотри-ка.

Марго стояла и смотрѣла на меня злыми глазами. Она поссорилась съ мальчиками и ей было не по-себѣ.

— Вовсе не завидую!—кричала капризница,—я лучше ея умѣю ѣздить. Только папа очень любитъ меня и не позволитъ мнѣ ломать шею.

— Ну, ужь ладно, ладно, знаемъ мы тебя!—смѣялись и дразнили ее маленькіе акробаты.

— Обѣдать! эй вы, команда!—раздался голосъ хозяйки, и всѣ бросились переодѣваться.

— Опоздали!—со страхомъ сказала я шопотомъ Альфу.

— Ничего! они еще не скоро переодѣнутся, а мы тѣмъ временемъ спрячемся въ «темной».

Мы незамѣтно пробѣжали конюшню и комнаты, въ которыхъ содержались дрессированныя собачки и стояла клѣтка съ Макакой—ученой обезьянкой, и спрятались въ темной комнатѣ, гдѣ одѣвались Марго и и сама хозяйка.

— Ахъ, какъ страшно, Альфъ!—шептала я.

— Не бойся, никто не найдетъ насъ здѣсь. Слышишь, даже не зовутъ, значитъ позабыли о насъ.

И правда, въ циркѣ все стихло... Вѣрно ушли уже обѣдать.

— Ну, Катя, выходи,—скомандовалъ Альфъ и вышелъ изъ темной.

Мы взялись за руки и бросились бѣжать.

— Куда?—раздался за нами зловѣщій голосъ.

Мы обмерли. Передъ нами стоялъ хозяинъ съ кнутомъ въ рукахъ

— А—а, такъ вотъ вы какъ! бѣжать! ну, погодите же! Я тебя выучу, голубчикъ! да и тебя тоже!

Я не успѣла крикнуть, какъ хозяинъ схватилъ меня за волосы и взмахнулъ хлыстомъ...

. . . . . .

Мнѣ было очень больно, руки, спина и плечи горѣли... Я лежала въ той-же темной каморкѣ, гдѣ

пряталась съ Альфомъ. Кто-то кричалъ и плакалъ, зовя на помощь.

— Это Альфъ! его бьютъ! О, злой, гадкій Ленчъ, за что ты обижаешь маленькихъ, беззащитныхъ дѣтей!—плакала я.

ГЛАВА XX.

Я ѣзжу на Арапчикѣ.—Неожиданный конецъ.

МЕНЯ продержали до представленія на замкѣ. Потомъ меня одѣли, посадили на лошадь и велѣли быть внимательной. Проѣзжая въ залъ, я увидѣла блѣднаго Альфа, избитаго и еле державшагося на ногахъ.

Добрый Альфъ кивнулъ мнѣ по обыкновенію и улыбнулся. Ему было больно, но онъ хотѣлъ утѣшить меня.

Я сама старалась улыбаться, когда въѣхала на арену...

Арапчикъ весело сталъ продѣлывать свои штуки, все скорѣе и скорѣе дѣлая круги. Мнѣ такъ хотѣлось взглянуть въ сторону Альфа, гдѣ бѣдный мальчикъ ждалъ своей очереди.

Клоунъ Дикъ разсказывалъ что-то очень смѣшное, потому что весь циркъ хохоталъ. Я отдыхала въ сѣдлѣ передъ самымъ труднымъ фокусомъ...

Кто-то сверху бросилъ коробочку конфектъ.

— Это мнѣ?—кривляясь, спрашивалъ Дикъ.

— Это маленькой наѣздницѣ,—крикнули въ отвѣтъ и Дикъ протянулъ мнѣ коробочку.

Я поклонилась добрымъ людямъ и передала конфекты конюху.

— Отнесите Альфу,—попросила я.

Мнѣ такъ хотѣлось чѣмъ-нибудь порадовать моего маленькаго друга

«Ахъ, няня, няня,—подумала я,—какъ тебѣ горько было-бы, еслибъ ты узнала, какъ обидѣли твою Катю».

— M-lle Клара! вамъ начинать,—сказалъ конюхъ, и я поѣхала снова въ кругъ.

Арапчикъ скакалъ очень быстро. Я встала въ сѣдлѣ и ждала минуты, когда доскачу до каната, за который должна была уцѣпиться. Арапчикъ прибавилъ ходу и уже скачетъ такъ скоро, что у меня духъ захватываетъ.

Разъ! и я вишу въ воздухѣ. А лошадка уже одна несется впередъ.

ГЛАВА XXI.

Добрые люди

МНѢ такъ тяжело висѣть на одной рукѣ!.. все мое тѣло болитъ отъ кнута злого хозяина... Скорѣе-бы Арапчикъ доскакалъ до меня...

Вотъ онъ близко, близко... Пальцы не слушаются и понемногу выпускаютъ канатъ...

— Скорѣе, скорѣе, Арапчикъ, сюда, сюда, милый!

Арапчикъ уже близко. Мои пальцы не выдержали и я падаю всѣмъ тѣломъ на деревянный барьеръ...

— Катя! Катя!

Кто это кричитъ? Мама? няня? Ленчъ?

Нѣтъ, это онъ, мой маленькій, избитый Альфъ.

— Катя! Катя!

И я больше ничего не слышу...

Я открыла глаза.

Какъ хорошо и тепло въ мягкой постелькѣ!

Это не соломенный матрасъ хозяина. Комнатка очень свѣтлая и хорошо убранная... Около меня сидитъ какая-то добрая на видъ женщина и такъ ласково смотритъ на меня...

Я пошевельнулась. Ахъ, какъ больно плечамъ и рукѣ!

— Гдѣ я?—вырвалось у меня.

— Не бойся, милая дѣвочка, тебѣ здѣсь хорошо и тебя будутъ очень любить.

— Кто вы? добрая волшебница? Вы не отдадите меня Ленчу? Тамъ злая Марго... Они будутъ бить насъ съ Альфомъ. А гдѣ-же Альфъ?

— Яша!—въ отвѣтъ на это позвала дама, и я увидѣла Альфа.

Только онъ былъ совсѣмъ не тотъ, какъ прежде. Чистенькій, умытый, въ новомъ костюмчикѣ.

— Катя! милая, ты здорова! Какъ я радъ!—сказалъ онъ, обнимая меня.

— Какъ мы сюда попали, Альфъ?

— Ты упала, Катя, и была очень больна... Когда ты упала, публика бросилась къ тебѣ и бранила Ленча, тутъ былъ докторъ. Онъ взялъ тебя и меня къ себѣ и, узнавъ о томъ, что Ленчъ воровалъ и мучилъ дѣтей, отдалъ его въ полицію. Циркъ закрытъ и Ленчъ, вѣрно, сидитъ въ тюрьмѣ.

— А Марго?

— Ахъ, не вспоминай ты про нее, она злая дѣвочка. Вѣдь это она, Марго, подслушала, какъ мы хотѣли бѣжать, и передала своему отцу.

— Ахъ, какъ я рада, Альфъ, что мы не вернемся больше къ злому Ленчу! Только гдѣ-же мы будемъ жить? Неужели добрый докторъ оставитъ насъ у себя?—разспрашивала я.

— Оставитъ, дитя мое, и тебя и твоего малень-

каго товарища,—сказалъ чей-то незнакомый голосъ, и я увидѣла на порогѣ господина, который давно наблюдалъ за мною.

— Но у меня есть родные, дядя, тетя, маленькая кузина... Они, вѣрно, безпокоятся обо мнѣ и ищутъ меня.

— Не безпокойся, дѣвочка, я уже далъ знать твоему дядѣ и онъ навѣрное доволенъ тѣмъ, что эти двѣ недѣли ты пробыла у доктора и тебя тутъ вылѣчили.

ГЛАВА XXII.

Неожиданность.

ЗНАЧИТЪ, я уже такъ давно больна?

— Да, Катя, давно! Только ты не разговаривай очень много. Завтра наговоритесь.

— Я-бы очень хотѣла дать знать о себѣ нянѣ, успокоить ее,—сказала я.

— Хорошо! Я напишу ей, какъ-нибудь узнаю ея адресъ.

— Какой вы добрый!—воскликнула я,—и какъ мнѣ хотѣлось-бы, чтобы и мой незнакомый дядя былъ такой-же добрый, какъ вы.

И я заплакала отъ радости, что есть такіе добрые люди на свѣтѣ.

Я уже почти поправилась. Мнѣ было позволено сидѣть въ подушкахъ и играть съ Альфомъ. Какъ-то утромъ ко мнѣ зашла въ комнату маленькая дѣвочка—дочь моего добраго доктора. Она принесла большую куклу, которая говорила «мама», «папа», закрывала и открывала глазки.

— Меня зовутъ Лиза,—сказала дѣвочка,—и мы съ тобой теперь будемъ играть каждое утро.

Альфъ устроилъ изъ подушекъ что-то въ родѣ комнатки для большой куклы; я была ея мамой, Лиза—няней, а Альфъ надѣвалъ носовой платокъ на голову и былъ нашимъ поваромъ и лакеемъ.

Я разсказала Лизѣ о судьбѣ Лили, забытой въ лѣсу, а на другой день дѣвочка принесла мнѣ такую-же большую и нарядную куклу, какая была у нея самой.

— Возьми ее, она твоя, папа велѣлъ тебѣ подарить эту куклу за тѣ мученья, которыя ты перенесла въ циркѣ у злого Ленча.

— Отлично,—захлопалъ въ ладоши Альфъ,—мы ее назовемъ Клара.

Я начала уже ходить по комнатѣ. Каждый день меня навѣщали докторъ и его жена и заботливо, какъ родную, берегли меня.

Мнѣ было очень хорошо у добрыхъ людей, но я все-таки скучала безъ няни. Я такъ хотѣла ее видѣть, что даже во снѣ бредила ею.

— Когда-же я увижу няню?—спрашиваю я то доктора, то его жену.

— Молись Боженькѣ, Катя, и онъ поможетъ тебѣ увидѣть ее!—говорили они.

Я помню, какъ-то вечеромъ я особенно горячо помолилась: «Господи,—говорила я,—Ты меня защитилъ и спасъ отъ злыхъ людей, далъ мнѣ спокойную жизнь и добрыхъ друзей. Помоги мнѣ увидѣть скорѣе няню!»

Я уснула съ молитвою на губахъ. Проснулась я раньше обыкновеннаго. Слышу, кто-то заботливо

укутываетъ меня одѣяльцемъ, открываю глаза, вдругъ... вижу няню, милую, дорогую няню...

— Няня! нянечка! это сонъ! я сплю, да?—вскричала я, заливаясь слезами радости и покрывая поцѣлуями лицо и руки моей дорогой кормилицы.

— Катенька! Катенька!—повторяла няня, осыпая меня своими ласками.

— Откуда ты? Какъ сюда попала?—спрашивала я, удивляясь ея неожиданному появленію.

— Да вотъ мнѣ написали, что ты здѣсь, я собралась и пріѣхала. Слава Тебѣ Господи, что отыскала тебя! Ужь я всѣ глаза выплакала, какъ ты пропала. Чего-чего не думала! Господи Боже, горя-то сколько было!

— Ахъ, нянечка, какъ я счастлива, что ты со мною... Теперь мнѣ такъ хорошо... Мы скоро уѣдемъ къ дядѣ... Но знаешь, няня, доктора мнѣ жаль оставить и тетю, его жену, и Лизочку, и Альфа. Всѣ они такіе добрые, славные...

— Ну, дастъ Богъ, не скоро уѣдемъ, а можетъ быть и вовсе не уѣдемъ, Катенька; попросимъ дядю оставить насъ здѣсь, онъ, можетъ-быть, и согласится.

— Попросимъ, попросимъ, нянечка, — обрадовалась я.

Няня разсказала мнѣ о деревнѣ: какъ тамъ всѣ горевали обо мнѣ, какъ плакали Марья, Ванюшка; даже дѣдъ Сысой и тотъ приходилъ изъ сторожки узнавать обо мнѣ.

— Онъ и Лили твою принесъ, нашелъ подъ дубомъ,—добавила няня.

— А Мишка?

— Живъ и здоровъ, и Смоляночка гуляетъ, а птенчики твои выросли и улетѣли.

— А бабушка-Ирина?

— Ворчитъ попрежнему!—засмѣялась няня и снова стала цѣловать меня.

ГЛАВА XXIII.

Мое желаніе исполняется.

Я совсѣмъ поправилась и мнѣ позволено было встать.

Однажды утромъ няня одѣла, причесала меня и посовѣтовала сходить къ моимъ благодѣтелямъ—поблагодарить ихъ за пріютъ и заботы обо мнѣ.

Я пошла въ столовую, гдѣ всѣ сидѣли за чайнымъ столомъ.

— Катя встала, ура!—обрадовались всѣ, а Альфъ и Лизочка запрыгали по комнатѣ.

«Какъ они любятъ меня и какъ жаль мнѣ будетъ ихъ покинуть»,—подумала я и отъ души поблагодарила добрыхъ людей.

— О чемъ-же ты плачешь, Катюша? — спросила заботливая Марья Александровна, жена доктора, видя на глазахъ моихъ слезы.

— Мнѣ жаль оставлять васъ и не хочется ѣхать къ дядѣ!—прошептала я.

— Да и не надо ѣхать!—весело крикнулъ докторъ.

— Какъ не надо?—удивилась я.

— Да потому, что я твой дядя, это твоя тетя, а вотъ и кузина Лиза, и мы никуда не отпустимъ тебя, потому что дали слово твоей мамѣ замѣнить ее.

И всѣ они поочереди цѣловали и обнимали меня.

Я ничего не понимала изъ всего происшедшаго.

Добрая Марья Александровна, видя мое смущеніе, пришла мнѣ на помощь.

— Да, тебѣ некуда уѣзжать, дитя мое,—сказала она.—Ты не можешь помнить, что было съ тобою послѣ твоего паденія съ лошади, потому что ты потеряла сознаніе. Тебя изъ цирка свезли въ больницу, а Яша побѣжалъ въ полицію и просилъ публиковать въ газетѣ случай, происшедшій съ маленькой дѣвочкой, увезенной издалека г. Ленчемъ и ищущей своихъ родныхъ. Мы прочли газету и узнали изъ нея, что малютка Катя, дочь нашей дорогой покойной сестры, такъ близко отъ насъ и...

— Такъ, значитъ, вы, дѣйствительно, моя тетя?

— Да, дитя мое, я твоя тетя,—подтвердила она, крѣпко цѣлуя меня.

— Но какъ-же я попала къ вамъ?—недоумѣвала я.

— Тебя привезли изъ больницы въ квартиру дяди и тети! Ты развѣ не помнишь?—сказалъ Альфъ.

Я дѣйствительно смутно припоминала какіе-то сборы... какъ меня одѣли и понесли куда-то... потомъ большую карету, всю обложенную подушками, и чьи-то заботы и ласки.

Но все это было точно во снѣ и тогда я была увѣрена, что сплю и грежу.

И вотъ сонъ оказался дѣйствительностью.

— Яшу мы взяли къ себѣ за его доброе сердечко и заботы о тебѣ,—сказала тетя.—Дядя рѣшилъ оставить его у насъ. Яша будетъ ходить въ гимназію, чтобы стать образованнымъ и умнымъ мальчикомъ. Онъ еще порадуетъ насъ.

— Ахъ, дядя, тетя, Лизочка! Какъ я счастлива остаться съ вами!—воскликнула я.—Няня, няня! иди, иди-же скорѣе... Ты знаешь...

— Знаю, Катенька, все знаю,—прервала меня няня, вытирая передникомъ счастливыя слезы.

— И за что мнѣ все это?—невольно вырвалось у меня —За что?

— За то,—тихо и торжественно произнесла тетя Маша,—за то, дитя мое, что ты маленькая сиротка, а Господь Милосердный любитъ сиротъ и охраняетъ ихъ Своей Святою Десницей.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I.

Спустя два года.

ПРОШЛО два года...

Стояла зима, морозная, ясная. Мы, дѣти, не выходили изъ нашего садика, гдѣ дворникъ Иванъ устроилъ намъ чудесную горку.

Послѣ возвращенія Яши изъ гимназіи, мы опрометью кидались туда и катались съ горы до самаго обѣда.

Яша уже годъ, какъ ходилъ въ гимназію. Онъ очень выросъ и измѣнился. Навѣрное ни Ленчъ, ни его прежніе товарищи по цирку, ни капризная Марго не узнали-бы въ этомъ здоровомъ, краснощекомъ гимназистикѣ съ звонкимъ голосомъ прежняго молчаливаго и задумчиваго Альфа.

Измѣнились и мы съ Лизочкой. Мои прежнія платьица, сшитыя еще при покойной мамѣ, едва доходили мнѣ до колѣнъ, а волосы на головѣ настолько уже отросли, что я ихъ заплетала въ двѣ толстыя косички.

Я ужасно гордилась моими косичками и тщательно занималась заплетаніемъ ихъ каждое утро.

Кузина Лизочка измѣнилась меньше насъ всѣхъ. Это была прежняя маленькая дѣвочка, бѣлокуренькая и блѣдненькая, съ большими и ясными синими глазками. Вся она, очень хрупкая и тоненькая, ужасно походила на дорогую фарфоровую куколку, которая стояла на туалетѣ тети между прочими изящными вещицами. Только золотистыя кудри казались длиннѣе, да глазки смотрѣли внимательно и строго, какъ у большой.

Мы съ Яшей горячо полюбили нашу новую сестричку. Всегда ласковая, нѣжная Лизочка была добрымъ ангеломъ нашей семьи.

Дядя и тетя обожали свою дѣвочку, но одинаково и ровно обращались со всѣми нами, не дѣлая никакой разницы между мною—бѣдной сироткой-племянницей, чужимъ для нихъ Яшей и родной дочерью. Часто няня говорила мнѣ:

— Видишь, Катенька, какое вамъ съ Яшей счастье выпало на долю! Какъ Боженька-то все устроилъ хорошо! Какихъ добрыхъ родителей нашли вы въ дяденькѣ и тетенькѣ! Молись за нихъ, Катенька, и Богъ тебя не оставитъ!

И я молилась, горячо молилась, и утромъ и вечеромъ, когда на сонъ грядущій становилась на колѣни передъ большимъ кіотомъ въ тетиной спальнѣ. Лампада, зажженная заботливыми руками няни, освѣщала тихимъ, мерцающимъ свѣтомъ кроткое, святое лицо Божіей Матери, такъ ласково смотрѣвшей на маленькую дѣвочку, шептавшую свои дѣтскія молитвы!

Господи, какъ хорошо мнѣ было! Какъ я была счастлива среди добрыхъ и милыхъ родныхъ, рядомъ съ моей милой нянечкой, съ моимъ дорогимъ братомъ Яшей... Все, что я пережила въ два года, что вынесла отъ жестокой руки злодѣя Ленча,—все это казалось мнѣ теперь дурнымъ сномъ и начинало постепенно изглаживаться изъ моей памяти...

ГЛАВА II.

Яшина новость.

КАТЯ, Лизочка! у меня есть къ вамъ очень важное дѣло,—торжественно проговорилъ Яша, неожиданно вбѣгая во дворъ съ ранцемъ за плечами.

Мы только-что втащили на гору наши саночки и теперь стояли красныя, запыхавшіяся на ея верхушкѣ. Яша имѣлъ очень таинственный видъ. Его глаза смотрѣли серьезно и важно.

— Что такое?—воскликнули мы въ одинъ голосъ,— что случилось, говори скорѣе!

— А вотъ что!—тѣмъ-же торжественнымъ тономъ продолжалъ Яша, влѣзая къ намъ на горку и усаживаясь на санки,—вотъ что: сегодня утромъ нашъ классный наставникъ сказалъ, обращаясь къ нашалившему Петѣ Волкову, моему товарищу: «Какъ тебѣ не стыдно, Волковъ, вѣчно проказничаешь... Еще теперь Яша Мироновъ тебя сдерживаетъ немного, а что ты будешь безъ него дѣлать, когда онъ отъ насъ уйдетъ».

Я такъ и обмеръ. «Какъ уйдетъ? — невольно вырвалось у меня,—какъ, Василій Васильевичъ, развѣ меня выключаютъ?» И признаться, дѣвочки, я готовъ былъ разревѣться, но Василій Васильевичъ сразу успокоилъ меня, сказавъ: «Что ты, что ты, братецъ, тебя-то выключаютъ? примѣрнаго ученика, которымъ весь классъ долженъ гордиться? Нѣтъ, голубчикъ, просто по просьбѣ твоего дяди тебя переводятъ въ петербургскую гимназію. А развѣ ты не зналъ? Тебѣ еще не говорили дома? Ну, вѣрно еще не рѣшено окончательно... Да ты лучше спроси-ка самъ дядю,— онъ тебѣ скажетъ». Ну, вотъ и все, дѣвочки, что я хотѣлъ сказать,—закончилъ свой разсказъ Яша.

— Какъ-же такъ? неужели ты уѣдешь отъ насъ?— дрожащимъ голоскомъ спросила Лизочка, успѣвшая за эти два года горячо привязаться къ своему названному братцу.

Въ ея синихъ, лучистыхъ глазкахъ стояли крупныя слезы, готовыя скатиться на блѣдныя щечки.

— Яша, Яшенька, Яшукъ, неужели ты уѣдешь отъ насъ въ Петербургъ, неужели уѣдешь, Яша?— твердила она, въ то время, какъ худенькія ручонки обвивали шею маленькаго гимназиста.

— Я ничего не знаю, право-же не знаю, Лизочка,—повторялъ растерявшійся Яша,—успокойся, милая, вотъ Катя-же не плачетъ. Катя умница!

— Катя оттого не плачетъ,—уже капризно заговорила Лизочка,—что вѣрно ей не жалко тебя, вѣрно она не такъ тебя любитъ, какъ я!

И она посмотрѣла на меня сердитыми глазка-

ми и потѣшно надула свой пухлый, пунцовый ротикъ.

Какъ она ошибалась, Лизочка! У меня замирало сердце отъ страха разстаться съ Яшей, съ моимъ милымъ братцемъ, съ которымъ привыкла дѣлить радость и горе!

Разстаться съ Яшей! Нѣтъ, никогда! Это было-бы до того ужасно, что я бы, кажется, не пережила разлуки! Но что-же дѣлать? Идти къ дядѣ и тетѣ и упросить ихъ не отсылать Яшу въ Петербургъ? Но они могутъ разсердиться за мое вмѣшательство. Вѣдь если Яшу переводятъ въ петербургскую гимназію, такъ, значитъ, это такъ и надо. «Старшіе» знаютъ больше насъ, дѣтей, и вѣроятно все уже обдумали, прежде чѣмъ принять рѣшеніе...

Я старалась успокоить себя такими разсужденіями, но сердечко мое невольно сжималось, а на глаза поминутно навертывались непрошенныя слезинки.

Я не запомню другого такого печальнаго обѣда, какой былъ въ тотъ памятный для меня день! Яша сидѣлъ за столомъ молчаливый и сосредоточенный. Лизочка почти ничего не ѣла, даже своихъ любимыхъ трубочекъ съ битыми сливками, чѣмъ привела въ огорченіе толстую кухарку Маврушу. Я черезъ силу давилась жаркимъ и пирожнымъ, чтобы не дать замѣтить моего волненія. Я была немного старше Лизочки и должна была подавать примѣръ моей маленькой кузинѣ. Дядя и тетя замѣтили, наконецъ, наше волненіе и ласково спросили, не случилось-ли чего съ нами. Тогда Лизочка, вся красная и встревоженная,

выскочила изъ-за стола и, бросившись къ матери, зарыла свое личико въ ея колѣняхъ, повторяя сквозь слезы:

— Мамочка... мамочка... голубушка... дорогая... не отправляй Яшу въ Петербургъ!... не отправляй, милая.

— Лизокъ... что ты, дѣвочка, о чемъ?—испуганно спрашивала тетя, нѣжно лаская рукой ея бѣлокурую головку.

Встревожился не на шутку и дядя. Онъ строго взглянулъ на Яшу, какъ бы спрашивая у него причину этихъ слезъ. Яша виновато опустилъ свои добрые глаза и, поминутно путаясь и поправляясь, объяснилъ въ чемъ дѣло.

Чѣмъ дальше слушалъ дядя, тѣмъ лицо его становилось ласковѣе и веселѣе, а когда Яша кончилъ, онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ Лизочкѣ и, поднявъ ея личико, залитое слезами, спросилъ:

— Такъ ты плачешь, дѣтка, оттого, что тебѣ жаль разстаться съ братцемъ?

— Да, папа!—могла только выговорить Лизочка.

— И тебѣ его жаль, Катя?

Я молча кивнула головой.

Я боялась, что если скажу хоть одно слово, то расплачусь не меньше моей кузиночки.

— Ну, успокойтесь, ребятишки,—весело проговорилъ дядя.—Вамъ не придется разставаться съ вашимъ другомъ... Не хотѣлъ я вамъ говорить этого раньше, да вотъ сама судьба за меня распорядилась... Василій Васильевичъ проговорился и скрывать больше

отъ васъ нечего. Васъ ждетъ большая новость: мы переѣзжаемъ на постоянное житье въ Петербургъ... Яша поступаетъ въ одну изъ петербургскихъ гимназій и вы не разстанетесь съ нимъ, дастъ Богъ, никогда. Лизокъ, утри свои хорошенькіе глазки и чтобъ я не видѣлъ больше проливного дождика! Ну, разсмѣйся же, разъ, два, три!

Едва кончилъ дядя, какъ Лизочка весело завизжала, что у нея всегда означало выраженіе восторга, а мы съ Яшей повскакали со своихъ мѣстъ и запрыгали отъ радости. Путешествіе въ Петербургъ казалось намъ такимъ заманчивымъ и веселымъ! Особенно радовалась я, не забывшая большого и шумнаго города, гдѣ жила вмѣстѣ съ моей дорогой, незабвенной мамой.

Когда миновалъ первый взрывъ восторга, мы забросали дядю и тетю вопросами: когда мы ѣдемъ? что беремъ съ собою? гдѣ будемъ жить? поѣдетъ-ли съ нами толстая Мавруша, которая такъ хорошо готовитъ трубочки съ битыми сливками? Кстати, вспомнивъ о трубочкахъ, мы не отказались отдать честь вкусной стряпнѣ и черезъ 5 минутъ няня приняла со стола пустое блюдо.

ГЛАВА III.

Сборы.—Снова въ путь-дорогу!

КАТЯ, Катенька, ты берешь кукольный сервизъ? Онъ на-половину разрозненъ и я думаю, не лучше ли отдать его бѣднымъ,—кричала мнѣ изъ нашей дѣтской няня, укладывавшая въ дорожную корзину мои и Лизины игрушки.

Я на минуту призадумалась... Сервизъ былъ мнѣ подаренъ Яшей на его первыя карманныя деньги и мнѣ жаль было отдавать въ чужія руки эти поломанныя, но дорогія мнѣ чашечки и блюдечки.

— Нѣтъ, сервизъ я возьму въ Петербургъ, няня, а бѣднымъ дѣтямъ мы отдадимъ что-нибудь другое,— ласково отвѣтила я и стала помогать ей заворачивать игрушечную посуду въ чистыя тряпочки и класть ихъ въ корзину.

Какъ мало напоминали мнѣ эти сборы въ дальнюю дорогу тѣ, что происходили больше 2-хъ лѣтъ тому назадъ въ маленькой квартиркѣ, гдѣ скончалась моя дорогая мама! Тамъ все было тихо и печально. Здѣсь шумно и весело. Поминутно слышался серебристый

голосокъ Лизочки и веселый смѣхъ Яши. Тогда я ѣхала въ чужую семью, въ чужой городъ, не зная будутъ-ли тамъ любить меня—избалованную материнской лаской дѣвочку. Теперь мнѣ нечего было бояться. Я ѣхала со своей семьей, гдѣ меня любили и баловали, какъ родную дочь! И я была счастлива.

Былъ счастливъ не менѣе и Яша. Онъ не ходилъ больше въ гимназію и помогалъ укладываться дядѣ и тетѣ. Мы съ Лизочкой тоже безпрестанно предлагали свои услуги, но только мѣшали старшимъ, суетясь безъ толку и подавая не то, что было нужно.

— Нѣтъ, ужь лучше не помогайте,—замѣтила тетя, когда Лиза, желая услужить, потащила со стола большую фруктовую вазу, но не выдержала ея тяжести и выпустила ее изъ рукъ.

Ваза разбилась вдребезги.

Мы сами, наконецъ, сознались, что мы плохія помощницы и, усѣвшись на диванъ въ гостиной, стали разговаривать о предстоящемъ длинномъ путешествіи.

Уроки наши прекратились на время сборовъ. Тетя сама занималась съ нами—дѣвочками и теперь, конечно, не имѣла времени продолжать занятія.

Наконецъ, сборы были окончены. Все было уложено и запаковано. Наступилъ день отъѣзда.

Стоялъ морозный зимній денекъ. Мы поднялись рано, рано и съ утра приставали къ старшимъ съ вопросами: скоро-ли поѣдемъ?

Нашъ городокъ лежалъ въ 100 верстахъ отъ желѣзной дороги и ѣхать до станціи приходилось на лошадяхъ... При одной мысли о предстоявшемъ намъ

Ваза разбилась вдребезги...

путешествіи въ возкѣ на тройкѣ быстрыхъ лошадокъ, мы готовы были прыгать отъ радости.

И вотъ, наконецъ, этотъ возокъ, запряженный быстрой тройкой, поданъ къ крыльцу.

Дядя, тетя и мы, трое дѣтей, должны были умѣститься въ немъ. Няня и Мавруша поѣхали за нѣсколько дней раньше: няня, знавшая городъ, вызвалась найти квартиру.

— Въ тѣснотѣ да не въ обидѣ, — говорилъ дядя, усаживая всѣхъ насъ и заботливо укутывая наши ноги пледами и одѣялами.

Мы поминутно высовывались изъ возка, чтобы еще разъ взглянуть на милый домикъ и дворъ съ палисадникомъ, гдѣ провели столько хорошихъ, счастливыхъ деньковъ.

— Прощай, садъ и домъ и дворикъ, всѣ прощайте!—растроганно проговорилъ Яша.

— И горка прощай! и наша улица!—вторила ему Лизочка.

А я молчала. Теперь мнѣ было немного грустно уѣзжать изъ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ я успѣла привыкнуть, хотя впереди меня и ждалъ старый знакомый—Петербургъ, съ которымъ было связано столько родныхъ и милыхъ воспоминаній!

Наконецъ, мы размѣстились. Лошади тронулись и кибитка заскользила по гладкой и ровной пушистой дорогѣ.

Мы, тѣсно прижатые другъ къ другу, въ теплыхъ шубкахъ и валенкахъ, съ лицами, до самыхъ глазъ укутанными большими теплыми шарфами, высунулись

въ послѣдній разъ изъ возка, чтобы еще разъ взглянуть на оставленное родное гнѣздо. У калитки стоялъ дворникъ Иванъ, оставшійся при домѣ въ ожиданіи новаго хозяина, и махалъ намъ шапкой...

Наконецъ, возокъ завернулъ за уголъ и наша улица, домикъ и Иванъ—все исчезло изъ виду.

ГЛАВА IV.

На постояломъ дворѣ.

ДОРОГА по-прежнему шла мягкая, ровная. Нашъ возокъ точно скользилъ по пушистому и гладкому бѣлому ковру... Лошадки бойко бѣжали, позвякивая колокольчиками... Солнышко то сіяло радостной улыбкой, то внезапно пряталось... Маленькій снѣжокъ шелъ, не переставая.

Было три часа дня, когда мы подъѣхали къ станціонному домику, чтобы перемѣнить лошадей, да, кстати, и пообѣдать. Намъ было ужасно весело, несмотря на то, что ноги закоченѣли и затекли отъ долгаго сидѣнья.

Мы смѣялись на большую черную собаку, лаявшую страшнымъ басомъ изъ своей будки, смѣялись на крошечную дѣвочку, выскочившую намъ на встрѣчу въ большой и неуклюжей материнской кофтѣ...

— Какъ тебя зовутъ?—спросила Лизочка, смотря на нее своими смѣющимися глазками.

— Манька,—отвѣчала дѣвочка тоненькимъ, какъ у птички, голоскомъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?—приставала Лизочка.

— Не зна...ю!—протянула дѣвочка.

Мы такъ и покатились со смѣху.

Какими вкусными кислыми щами и простой, на салѣ жареной кашей угостилъ насъ хозяинъ постоялаго двора!

За обѣдомъ мы смѣялись и болтали, не переставая.

— А ямщику дали водки?—спросилъ неожиданно дядя.—Яша, отнеси-ка ему!—добавилъ онъ, подавая стаканъ мальчику.

— А онъ обѣдалъ?—освѣдомилась, всегда о всѣхъ заботливая, Лизочка.

— Обѣдаетъ. Будьте покойны, добрая барышня,—ласково улыбаясь, сказалъ хозяинъ.

Онъ все время ласково поглядывалъ на насъ своими добрыми старческими глазами.

Было уже довольно поздно, когда мы, отдохнувшіе и насытившіеся, сѣли въ возокъ и тронулись съ постоялаго двора, напутствуемые добрыми пожеланіями старика-хозяина.

Погода измѣнилась къ худшему. Мелкій снѣжокъ, моросившій съ самаго утра, сталъ къ вечеру падать крупными хлопьями. На опушкѣ лѣса ямщикъ нашъ повернулся къ намъ съ козелъ и спросилъ дядю:

— А что, баринъ, не вертать-ли обратно?

— А что?

— Да какъ-бы мятелица не разыгралась... вѣдь слѣдъ потеряемъ—въ лѣсу заночевать придется.

— И то, не вернуться-ли?—озабоченно вставила тетя.

Но мы, дѣти, всполошились противъ этого. Провести ночь въ возкѣ на открытомъ воздухѣ намъ казалось такъ сказочно заманчиво!

— На постояломъ дворѣ тараканы, а я ужасно боюсь таракановъ,—тянула капризнымъ голоскомъ Лизочка, высовывая изъ-подъ теплаго платка свой покраснѣвшій носикъ.

— А волковъ не боишься?—засмѣялся дядя.

— Нѣтъ, не боюсь,—храбро заявила дѣвоча,—вѣдь съ тобой ружье, папа!

— Ну, ладно! не трусить только, ѣдемъ!—согласился дядя и громко прибавилъ, обращаясь къ ямщику:—подгони-ка маленечко, чтобы до ночи выбраться изъ лѣсу.

Тотъ только головой мотнулъ, да прикрикнулъ на свою тройку

Лошадки побѣжали еще быстрѣе. Колокольчикъ громко звенѣлъ подъ дугою, надъ самой гривой коренной сѣрой, и возокъ быстрѣе заскользилъ по гладкой снѣжной дорогѣ.

А вѣтеръ дѣлался все сильнѣе и сильнѣе. Хлопья снѣга все чаще и чаще ударяли о верхъ кибитки.

Дядина борода, усы и шапка казались совсѣмъ бѣлыми. Тетя плотнѣе закутала насъ съ Лизочкой большими оренбургскими платками и останавливала поминутно, прося не разговаривать. И Яша пріумолкъ. Онъ забился въ самый уголокъ кибитки и, кажется, дремалъ, положивъ голову на теплый рукавъ дядиной шинели.

Я уже не видала больше впереди насъ сѣрой спи-

ны ямщика. Его кафтанъ сдѣлался весь бѣлый отъ снѣга и самъ онъ былъ очень похожъ на тѣхъ бѣлыхъ старичковъ-куколъ, которые вѣшаются на елку.

Начинало замѣтно темнѣть. Дядя приказалъ зажечь фонари, но какъ ни старался нашъ ямщикъ, фонари гасли отъ порывовъ сильнаго вѣтра и мы ѣхали въ густыхъ сумеркахъ.

Мнѣ стало холодно ногамъ и захотѣлось спать. Лизочка давно дремала въ своемъ уголку, забавно потягивая носикомъ. Я подвинулась къ ней поближе и очень скоро уснула сама.

ГЛАВА V.

Мятель.—Волки.

ПРОСНУЛАСЬ я, когда было совсѣмъ темно. Возокъ не двигался. Лизочка, позабывшая спросонья, что мы находимся въ дорогѣ, требовала, чтобы зажгли лампу. Яша старался зажечь спичку, но руки его окоченѣли и не слушались.

— Что, сбились?—тревожно спрашивала тетя, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе, чтобы не испугать насъ.

— Извѣстно, сбились!—отвѣтилъ ямщикъ недовольнымъ голосомъ и сталъ понукать тройку.

Но лошади стояли. А кругомъ бѣлѣлись сугробы и вѣтеръ жалобно выл какую-то дикую пѣсенку.

У меня сильно закоченѣли ноги и я старалась отогрѣть ихъ, ударяя одну о другую.

— А гдѣ-же папа?—испуганно вскрикнула Лизочка, видя, что дяди Пети нѣтъ на его прежнемъ мѣстѣ въ кибиткѣ.

— Успокойся, дѣточка, папа пошелъ искать дорогу!—поспѣшила отвѣтить тетя.

Но Лизочка еще сильнѣе взволновалась. Она плакала и твердила, что папа заблудится и что его съѣдятъ волки.

Мнѣ самой было страшно въ этомъ большомъ лѣсу, гдѣ такъ громко свистѣла и выла вьюга.

Одинъ Яша былъ спокоенъ по-прежнему. Онъ, какъ умѣлъ, помогалъ тетѣ успокоить расходившуюся Лизочку, говоря, что дядя сейчасъ вернется и что въ этомъ лѣсу волки не водятся.

Но въ ту самую минуту, когда неожиданно появившійся, весь запушенный снѣгомъ дядя сказалъ, что нашелъ дорогу, гдѣ-то недалеко раздался непріятный вой.

— Что это?— встрепенулись мы,—что это?

Но старшіе намъ не отвѣтили. Я только слышала, какъ тетя прошептала совсѣмъ тихо:

— Господи, помилуй всѣхъ насъ!

Дядя торопилъ ямщика и оба они изо всѣхъ силъ старались вытащить завязнувшую въ снѣжномъ сугробѣ тройку.

А страшное завываніе все приближалось... Гдѣ-то, не очень далеко, засвѣтились какіе-то огоньки...

Наконецъ, лошади попали на дорогу и дядя, поспѣшно усѣвшись въ возокъ, приказалъ ямщику ѣхать что есть силы.

— Самъ понимаю!—сурово отвѣтилъ онъ съ козелъ, въ то время какъ тетя передавала дядѣ длинный и тяжелый ящикъ, лежавшій позади нея.

Я догадалась, что это были ружья, и еле удерживалась, чтобъ не вскрикнуть. Сосѣдство хрупкой и

болѣзненной Лизочки, страхъ окончательно испугать дѣвочку удержали меня.

А вой дѣлался все громче и страшнѣе. Я поняла, что за нами гналась волчья стая.

Я никогда не забуду этой ночи... Нашъ возокъ мчался быстро, быстро... Лошади хрипѣли и дрожали, чувствуя враговъ.

Дядя зарядилъ оба ружья, одно держалъ наготовѣ, другое—передалъ Яшѣ.

Лизочка рыдала и билась отъ страха... Я твердила молитву, которой научила меня няня: «Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази Его!» Тетя обняла насъ съ Лизой и прижала къ себѣ крѣпко-крѣпко. Я не видѣла въ темнотѣ ея лица, но мнѣ послышалось, что она тихо, сдержанно плачетъ. И мнѣ стало невыносимо страшно! А волки были близко, совсѣмъ близко. Они гнались, не отставая, за нашимъ возкомъ и страшно выли, щелкая зубами. Вотъ двое изъ нихъ, самые храбрые, забѣжали впередъ и хотѣли броситься на одну изъ лошадокъ, но дядя выстрѣлилъ и четыре огонька, свѣтившіеся такъ близко, вдругъ потухли.

— На-повалъ!—радостно прошепталъ Яша, подавая дядѣ другое ружье.

Мятель между тѣмъ поутихла. Блѣдная луна чуть-чуть выглянула изъ-за облака и слабо освѣтила дорогу. Освѣтила и безчисленное множество волковъ, гнавшихся за нами.

— Яша,—прерывающимся голосомъ приказалъ дядя,—заряди, родимый, да повали-ка вотъ этого, что подбирается къ пристяжной.

И Яша, не говоря ни слова, храбро зарядилъ ружье и выстрѣлилъ въ указаннаго звѣря. Въ моей головѣ мелькнула мысль: гдѣ научился стрѣлять Яша?—но тутъ-же я вспомнила, какъ дядя бралъ его съ собою на охоту и какъ мы съ Лизочкой горько плакали надъ убитымъ имъ зайчикомъ и долго дулись за него на Яшу.

Казалось, волковъ не пугали ни выстрѣлы, ни ихъ убитые товарищи, потому что они все бѣжали и бѣжали, не отставая ни на шагъ отъ возка.

Лизочка уже не плакала, она лежала безъ чувствъ на рукахъ испуганной тети.

А страшные хищники уже обѣжали возокъ и бросались на лошадей съ оглушительнымъ воемъ...

Яша по-прежнему заряжалъ ружья. Дядя стрѣлялъ. Волки такъ и валились убитые по обѣ стороны кибитки, но это не останавливало ихъ стаю.

Вдругъ совсѣмъ близко, рядомъ со мной появилась длинная, острая морда съ двумя сверкающими углями вмѣсто глазъ и оскаленными зубами. Въ ту же минуту раздался чей-то страшный крикъ и все смѣшалось.

Я потеряла сознаніе.

Они гнались за нашимъ возкомъ и выли, щелкая зубами...

ГЛАВА VI.

Спасены. — Дальнѣйшій путь. — На новоселье.

Я очнулась въ незнакомой комнатѣ, на большомъ бархатномъ диванѣ, подлѣ блѣдной и перепуганной Лизочки.

Предо мной стояла тетя и подавала мнѣ рюмочку съ лѣкарствомъ.

— Прими валерьяны, Катюша! Слава Богу, очнулась, дѣвочка!—ласково говорила она.

— А гдѣ-же волки?—испуганно и недоумѣвающе спросила я.

— Эхъ, что выдумала! Давно отстали. Какъ зажгли пучокъ сѣна да бросили въ самую стаю—они и отстали,—весело говорилъ дядя.—Волки огня боятся! Ну, слава Богу, было да сплыло. Вотъ Яшукъ у насъ герой. Онъ такъ того сѣраго долбанулъ по головѣ прикладомъ, что у того желанье пропало заглядывать въ кибитку!

— А гдѣ-же мы?—спросила я.

— На желѣзной дорогѣ. Мы васъ съ Лизочкой

сюда привезли въ обморокѣ... Эхъ вы, дѣвочки...— насмѣшливо протянулъ Яша, гордый похвалой дяди и точно выросшій на цѣлую голову послѣ своего геройскаго поступка.

Лизочка молча улыбнулась. Она пила сахарную воду и была такая блѣдная послѣ пережитыхъ страховъ.

— Вотъ нянѣ-то разскажемъ! Онѣ тамъ въ Петербургѣ съ Маврушей и не подозрѣваютъ о нашихъ происшествіяхъ,—говорила тетя веселымъ и беззаботнымъ голосомъ, стараясь успокоить насъ послѣ страшной ночи.

Но я видѣла, что сама она очень взволнована и къ тому-же я не забыла того страшнаго крика, который вырвался изъ ея груди при появленіи у нашего возка волка. И я молча поймала ея бѣлую дрожащую руку и крѣпко прижалась къ ней губами.

— Катюша, — удивилась она, — что съ тобой, дѣтка?

— Ахъ, тетя,—вырвалось у меня съ горячими слезами,—я такъ люблю всѣхъ васъ и такъ рада, что всѣ вы цѣлы и невредимы.

И мы обнялись крѣпко, крѣпко...

Съ этой минуты тетя, кажется, еще больше привязалась ко мнѣ.

Мы были уже на платформѣ, успокоенныя и одѣтыя, когда подкатилъ громадный локомотивъ съ длиннымъ хвостомъ вагоновъ. Поѣздъ стоялъ всего пять минутъ. Поднялась давка и суматоха. Дядя съ трудомъ отыскалъ мѣсто и усадилъ насъ въ вагонъ.

Здѣсь царствовалъ полумракъ отъ зеленыхъ занавѣсокъ, затянувшихъ фонарикъ... Отовсюду слышалось храпѣнье спящихъ пассажировъ.

Тетя наскоро устроила намъ постельки на мягкихъ диванахъ и помогла намъ раздѣться и улечься поудобнѣе. Едва-только голова моя опустилась на подушку, какъ я почувствовала страшное желаніе спать... Поѣздъ медленно, казалось мнѣ, катился по рельсамъ и выстукивалъ колесами какую-то однообразную пѣсенку. Меня чуть-чуть покачивало на мягкомъ диванѣ и я скоро заснула крѣпкимъ, сладкимъ сномъ безъ всякихъ сновъ и видѣній.

Быстро и незамѣтно прошло наше путешествіе. Первое лицо, которое я увидѣла, выходя изъ вагона на знакомомъ уже мнѣ петербургскомъ вокзалѣ—была няня.

Она крѣпко, крѣпко перецѣловала всѣхъ насъ, въ то время, какъ мы, перебивая другъ друга, старались какъ можно скорѣе передать ей наше дорожное приключеніе съ волками.

У подъѣзда вокзала мы сѣли въ большую извозчичью карету, чтобы ѣхать въ приготовленную намъ няней квартиру. Лизочка и Яша, не видавшіе никогда Петербурга, такъ и прильнули къ замерзшимъ окнамъ, разглядывая высокія зданія, красивые магазины и торопливо снующую толпу. Какъ странно было имъ увидѣть послѣ маленькаго захолустнаго городишки этотъ большой, нарядный и шумный городъ.

Проѣхавъ цѣлый рядъ улицъ, наша карета оста-

новилась передъ подъѣздомъ большого четырехъ-этажнаго дома. Швейцаръ съ очень важнымъ и серьезнымъ лицомъ помогъ намъ выйти и взять вещи.

— Въ третій этажъ налѣво,—говорила няня, подъѣхавшая съ вещами нѣсколькими минутами раньше и встрѣчавшая насъ у подъѣзда.

Мы на перегонки пустились по широкой лѣстницѣ и черезъ минуту звонили у обитой черной клеенкой двери.

— Пріѣхали, пріѣхали!—громко и весело встрѣтила насъ толстая Мавруша.—А мы-то ужь тутъ прибрались кой-какъ съ нянюшкой!

Большая и свѣтлая квартира показалась намъ сначала мало уютной: въ ней не было разставлено мебели; кое-какъ ютились по стѣнамъ тѣ немногіе диваны и кресла, которые были привезены изъ В. Новую мебель дядя боялся покупать заочно. Но наша съ Лизой комнатка, оклеенная розовыми обоями, оказалась очень веселенькой и свѣтлой. Двѣ бѣленькія, чистенькія кроватки были заботливо застланы няней для ея маленькихъ баловницъ. Но кто былъ въ восторгѣ,—такъ это Яша! Въ В. у него не было своего уголка, спалъ онъ у дяди въ кабинетѣ, а училъ уроки въ нашей дѣтской. А здѣсь баловница-няня приготовила ему комнатку, хотя и очень маленькую, но все-таки «свою собственную», гдѣ бы онъ могъ играть и заниматься.

— Доволенъ-ли, Яшенька? — спросила его тетя, видя, какъ заискрились его повеселѣвшіе глазки.

Наша карета остановилась передъ подъѣздомъ...

— Ахъ, тетя, ахъ!—могъ только выговорить мальчикъ, не зная кого броситься цѣловать прежде: тетю-ли, приказавшую нянѣ найти квартиру съ лишней комнаткой, или няню, такъ хорошо исполнившую тетино желаніе!

ГЛАВА VII.

Въ новомъ гнѣздышкѣ.—Нянинъ сюрпризъ.

ЛИЗОКЪ, подай-ка молотокъ и гвозди, а ты, Катя, бѣги, спроси няню, куда она положила темныя шторы?

Съ этими словами дядя влѣзъ на табуретъ, поставленный на большой обѣденный столъ, чтобы ввинтить крюкъ въ потолкѣ для большой висячей лампы.

Столовая была уже совсѣмъ устроена и выглядѣла очень уютной. Гостиная тоже была прехорошенькая.

Цѣлую недѣлю дядя и тетя ходили по магазинамъ и возвращались съ руками полными покупокъ. Въ нашихъ комнатахъ сновали обойщики, и поминутно раздавался стукъ молотка. Мы, дѣти, помогали чѣмъ могли, особенно старались мы съ Лизочкой разставлять мебель.

Когда комнаты были убраны, послѣдній гвоздикъ вбитъ, послѣдняя штора повѣшена,—дядя пригласилъ приходскаго священника отслужить молебенъ въ новой квартирѣ. И няня, и Мавруша пришли въ гостиную, гдѣ былъ покрытъ бѣлой скатертью ломбер-

Няня притащила ранецъ и укладывала книги...

ный столикъ и разставлены на немъ образа въ серебряныхъ ризахъ.

Мнѣ напомнило это другую картину... другую комнатку, гдѣ также пѣлъ священникъ и подтягивалъ ему низкій басъ причетника... Вспомнила я покойную маму... и что-то теплое и хорошее наполнило мое сердечко.

Я оглянулась на няню. Она горячо молилась, кладя земные поклоны и крестясь широкимъ крестомъ... Вѣроятно, молитва приносила ей большую радость и утѣшеніе, потому что лицо у нея было такое свѣтлое и умиленное, какимъ я не видѣла его никогда...

На другой день Яша долженъ былъ идти въ первый разъ въ гимназію.

— Что, трусишь?—спросилъ его за чаемъ дядя.

На что онъ храбро отвѣтилъ:

— Нѣтъ, дядечка, не въ первый разъ!

И дѣйствительно, Яшѣ нечего было бояться. Учился онъ очень хорошо и въ его ранцѣ лежалъ самый лучшій отзывъ прежняго инспектора и учителей объ его примѣрномъ поведеніи и успѣхахъ.

Мы съ Лизочкой волновались куда больше его. Я дрожащими руками намазывала масломъ ломтики булки ему на завтракъ. Лизочка клала на нихъ кусочки мяса и обильно посыпала солью.

Няня притащила ранецъ и укладывала въ него книги. Самъ Яша торопливо глоталъ горячій чай и, кажется, мысленно проходилъ уроки

— Ну, пора!—сказалъ онъ и, перецѣловавъ всѣхъ насъ, бѣгомъ отправился въ прихожую.

— А мы, дѣвоньки, гулять пойдемъ, ладно?—предложила намъ няня, на что, конечно, и я и Лизочка немедленно согласились и побѣжали одѣваться.

Черезъ полчаса мы чинно выступали по обѣ стороны няни въ нашихъ теплыхъ мѣховыхъ шубкахъ и бѣлыхъ капорахъ.

— Куда ты ведешь насъ, нянечка?—спросила я, видя, что она лукаво и таинственно улыбается, поглядывая на меня.

— Вотъ придемъ и увидите, а пока это сюрпризъ,—засмѣялась няня, подзадоривая наше любопытство.

Много, много лѣтъ пройдетъ, но я никогда не забуду небольшого сѣраго домика, со входомъ подъ воротами, съ большимъ окномъ, выходящимъ на глухую и узкую улицу... Я стояла передъ сѣрымъ домикомъ, и сердце мое билось въ груди, какъ пойманная птичка. Вотъ оно—большое окошко съ широкимъ подоконникомъ, гдѣ маленькая Катя ждала свою маму, возвращающуюся къ обѣду, со службы. И теперь на окошкѣ сидитъ маленькая, худенькая дѣвочка съ куклой на рукахъ

— Нянечка, нянечка, какъ хорошо ты сдѣлала, что привела меня сюда!—могла только выговорить я и крѣпко пожала нянину руку въ теплой вязаной перчаткѣ.

— Ну! очень рада, что понравился мой сюрпризъ,—улыбнулась няня,—а туда въ квартиру хочешь пойти, Катенька?

— Да вѣдь тамъ чужіе живутъ, нянечка... Насъ, пожалуй, не пустятъ,—усомнилась я.

— А вотъ попросишь, авось и пустятъ,—и, говоря это, няня взяла насъ съ Лизой за руки и храбро шагнула за ворота.

Насъ не только пустили, но и обрадовались, какъ знакомымъ.

Маленькую дѣвочку, встрѣтившую насъ со своей мамой въ прихожей, звали Марусей. Она охотно показала намъ свою квартирку, и я опять побывала въ милыхъ, дорогихъ комнаткахъ, съ которыми печально простилась два года тому назадъ.

Комнатки эти очень измѣнились съ тѣхъ поръ. Онѣ были оклеены другими обоями, въ нихъ стояла другая мебель, но стѣны были тѣ-же, а въ этихъ стѣнахъ я пережила столько счастливыхъ часовъ съ мамой! Вѣроятно, на глазахъ моихъ были слезы, потому что Лизочка неожиданно обняла меня за плечи и ласково, ласково шепнула:

— Не горюй, сестричка, я тебя очень, очень люблю!

Милая, добрая Лизочка! я сама горячо полюбила ее—всегда кроткую и нѣжную со мною!

Наша новая знакомая, Маруся, показала намъ всѣ свои игрушки, не исключая и любимой куклы Таши съ выпученными глазами и оторванной ногой. Ей было очень жаль разставаться съ нами. У нея не было ни сестеръ, ни братьевъ, и цѣлые дни она играла одна или сидѣла на широкомъ подоконникѣ и смотрѣла на улицу. Ея мама была бѣдная портниха и должна была работать цѣлые дни напролетъ. Ей не было времени заниматься со своей дочуркой.

— Придите, нянечка, какъ-нибудь съ вашими барышнями,—просила она,—а то бѣдная Маруся моя совсѣмъ истосковалась безъ сверстницъ.

Мы обѣщали исполнить ея желаніе и, крѣпко поцѣловавъ нашу новую знакомую, поспѣшили домой.

ГЛАВА VIII.

Яшино несчастье.

ЧТО, Яша не возвращался еще изъ гимназіи?— спросилъ дядя, входя въ гостиную нѣсколькими минутами позднѣе нашего прихода съ прогулки.

— Нѣтъ, папочка, не возвращался, — отвѣтила Лиза.

Въ столовой уже зажгли лампу и накрывали на столъ... Было около 4-хъ часовъ, а Яши все еще не было.

— Не случилось-ли что съ нимъ, матушка-барыня?—освѣдомилась няня, начавшая сильно безпокоиться за своего любимца.

— Ну, вотъ еще, что можетъ съ нимъ случиться, онъ волковъ безъ промаха бьетъ!—засмѣялся дядя.

Въ эту минуту въ передней раздался тихій звонокъ.

— Это Яша, Яша! — весело вскрикнули мы и опрометью бросились съ Лизочкой къ нему навстрѣчу.

Это былъ дѣйствительно Яша. Но, Боже мой, въ какомъ видѣ! Растрепанный, взволнованный, съ лицомъ, исцарапаннымъ и покрытымъ синяками.

— Что съ тобой?—вскрикнули мы всѣ разомъ при видѣ мальчика.

Яша опустилъ глаза и не отвѣтилъ ни слова.

Тогда дядя подошелъ къ нему и, обнявъ его за плечи, спросилъ ласково:

— Скажи, Яша, ты видишь, какъ мы волнуемся и безпокоимся за тебя, что съ тобой случилось, милый?

Вѣроятно ласковое участіе въ голосѣ дяди подѣйствовало на Яшу и онъ неожиданно заплакалъ, повторяя сквозь всхлипыванія и рыданья:

— Я не виноватъ, дядечка... право-же не виноватъ... мы подрались... и оба были наказаны...

— Ты подрался?... ты?—изумился дядя.—Но почему? что такое?

— Я не виноватъ...—твердилъ Яша.—Я пришелъ въ классъ, а они... особенно одинъ, самый шаловливый и забіяка, сталъ дразнить меня, крича мнѣ въ уши: «Клоунъ пришелъ, клоунъ изъ цирка! Покажи твои фокусы, клоунъ!»

— И ты его ударилъ за это?

— Нѣтъ... нѣтъ! я-бы ни за что не ударилъ первый. Но онъ подошелъ ко мнѣ и дернулъ меня за волосы, больно, больно... Тогда мы схватились. Онъ сильнѣе меня и больше... Въ эту минуту вошелъ учитель и, не разобравъ въ чемъ дѣло, наказалъ насъ обоихъ, оставивъ на 2 лишнихъ часа въ гимназіи.

— Бѣдный Яшенька!—ласково проговорила Лизочка и стала горячо цѣловать его заплаканныя щеки.—Злые мальчишки, гадкіе драчуны, какъ имъ не стыдно нападать на новенькихъ.

— На новенькихъ-то и нападаютъ,—сказалъ дядя.—Дѣти глупы. Когда я поступилъ въ училище, и мнѣ первое время попадало. А потомъ ничего—полюбили. Жаловаться только не надо, а то вѣчно травить будутъ и фискаломъ назовутъ. Ты, надѣюсь, ничего не говорилъ учителю?

— Нѣтъ, дядечка, если-бы сказалъ, то меня-бы не наказали безъ отпуска...

— Ну и молодецъ, что не сказалъ! Я самъ переговорю съ нимъ при случаѣ, а теперь, ребятишки, объявлю вамъ большую радость... Только—тс! смирно стоять, не шумѣть и не визжать очень громко! Это больше всего къ Лизочкѣ относится... Въ воскресенье утромъ мы съ тетей рѣшили васъ взять въ циркъ. Рады?

— Рады! рады! папочка, дядечка, милый!—и мы бросились цѣловать нашего добраго баловника, который со всѣхъ ногъ кинулся отъ насъ въ столовую.

— Не я! не я, это тетя придумала, ее и благодарите!—кричалъ онъ, спасаясь отъ насъ.

Но было уже поздно. Мы набросились на дядю. Лиза вскарабкалась ему на плечо, я на спину, Яша ухватилъ за руку и въ такомъ видѣ мы предстали передъ тетей, разливавшей супъ за обѣденнымъ столомъ.

— Ну и публика!—отдувался дядя, — безпокойная команда!... Маршъ по мѣстамъ!

Мы со смѣхомъ и говоромъ разсѣлись по стульямъ, испытывая самую живую радость отъ предстоящаго намъ удовольствія.

ГЛАВА IX.

Въ циркѣ.—Старыя воспоминанія.

ПРОШЛА недѣля, показавшаяся намъ безконечно длинною. Наступило воскресенье.

Съ утра мы не находили себѣ мѣста. Передъ завтракомъ няня надѣла на меня и Лизочку бѣлыя платьица съ широкими воланами и тщательно причесала наши головы.

— Ну, готовы, дѣтки?—спросила тетя, появляясь въ гостиной въ своемъ праздничномъ свѣтло-синемъ платьѣ и котиковой шапочкѣ на головѣ

Она осмотрѣла насъ любящимъ материнскимъ взглядомъ, поправила загнувшійся воланъ на моей юбочкѣ, обдернула Яшинъ мундирчикъ и мы всѣ двинулись въ прихожую, гдѣ насъ ждалъ совсѣмъ уже готовый дядя.

Страшное чувство охватило меня, когда я перешагнула черезъ порогъ цирка. Какъ ни мало походилъ онъ на простой и убогій балаганъ, гдѣ маленькая m-lle Клара скакала на кроткой Свѣтланѣ и бѣшеномъ Арапчикѣ, а все-таки во всей этой обста-

новкѣ было такъ много знакомаго для меня—прежней маленькой наѣздницы.

— Яша!—тронула я локтемъ моего друга и товарища, когда онъ пристально, не мигая, смотрѣлъ, какъ на аренѣ прыгали и дурачились два разрисованныхъ клоуна,—Яша, смотри-ка: совсѣмъ Бобъ и Гансъ!

— Да, да, Катя. Но какъ здѣсь все хорошо и богато, не то что у насъ. И костюмы какіе, новые и блестящіе, а лошади-то, лошади!

На смѣну клоунамъ выбѣжалъ маленькій, очень розовый и очень нарядный мальчикъ и смѣло полѣзъ на трапеціи, висѣвшія на трехсаженной вышинѣ.

Я невольно, слѣдя за ловкими и смѣлыми движеніями маленькаго акробата, вспомнила другого мальчика—нѣжнаго и хрупкаго, запуганнаго Альфа. Милый, милый, маленькій Альфъ изъ цирка господина Ленча! Онъ тутъ, около меня и навѣрное вспоминаетъ тяжелые годы трудной службы! Онъ жалѣетъ этого розоваго, благодаря румянамъ, и ловкаго маленькаго акробата, потому что самъ на себѣ испыталъ всю тяжесть подобнаго ремесла. И я оглянулась на Яшу.

Онъ слѣдилъ за мальчикомъ внимательнымъ взглядомъ и на лицѣ его можно было прочесть волненіе и страхъ за маленькаго канатнаго плясуна. Добрый Яша, нельзя было не любить его!

«Воздушнымъ нумеромъ» заканчивалось первое отдѣленіе программы.

— Пойдемъ въ конюшню, дѣточки,—предложила тетя,—посмотримъ лошадокъ.

Мы съ радостью согласились.

ГЛАВА X.

Толстый Дикъ на новомъ мѣстѣ.

M-LLE Клара, m-lle Клара! — послышалось мнѣ, когда я проходила конюшнями, любуясь сытыми и красивыми цирковыми лошадками.

— Это тебя зовутъ, Катя?—недоумѣвающе спросила тетя.

Я оглянулась.

За нами спѣшилъ толстый маленькій человѣчекъ въ костюмѣ жокея и неистово махалъ руками.

Я пристально стала вглядываться въ человѣчка и вдругъ радостно вскрикнула:

— Да вѣдь это Дикъ! Конечно, Дикъ!

Дѣйствительно, это былъ Дикъ, толстый Дикъ—конюхъ и жокей изъ цирка г. Ленча! Это былъ онъ, добрый и славный человѣкъ, единственный мой защитникъ передъ лицомъ разгнѣваннаго хозяина. Сколько разъ онъ отклонялъ жестокую руку Ленча, готовую ударить меня! Сколько разъ онъ тихонько отъ директорской семьи передавалъ мнѣ и конфетки и яблоки,

И я потащила его къ дядѣ и тетѣ...

брошенныя мнѣ на арену сострадательными зрителями! Какъ ненавидѣла его за это злючка Марго!

— Дикъ! милый Дикъ!—и я радостно бросилась къ нему и повисла у него на шеѣ.

Какъ удивлены были, должно-быть, цирковые конюхи, видя нарядную маленькую барышню въ воздушномъ бѣломъ платьицѣ на рукахъ ихъ товарища.

— Дикъ!—повторяла я,—какъ я рада васъ видѣть,—и я потащила его къ дядѣ и тетѣ.

Они знали Дика по моимъ разсказамъ и теперь крѣпко пожали его мозолистую, честную руку.

— Спасибо вамъ за племянницу, г. Дикъ,—сказалъ дядя растроганнымъ голосомъ,—да и за племянника тоже. Узнали?

И онъ шутливо подтолкнулъ впередъ Яшу. Дикъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза и не узнавалъ его.

— Да вѣдь это Альфъ, нашъ маленькій Альфъ,—весело крикнула я и засмѣялась.

— Боже мой, неужели Альфъ! Никогда-бы не узналъ!—искренно удивился толстый Дикъ.—Ну, здравствуй, здравствуйте, Альфъ,—путался онъ, не зная какъ говорить—«вы» или «ты» этому нарядному и рослому гимназистику.

— Да, я Альфъ, вашъ бѣдный маленькій Альфъ! Не признали, дядюшка Дикъ?—весело говорилъ Яша, цѣлуя въ обѣ щеки добродушнаго стараго друга.

— Мудрено признать, миленькій! Вотъ вѣдь гдѣ встрѣтились!

— Какъ-же вы очутились здѣсь, въ Петербургѣ, г. Дикъ?—спросила его тетя.

— Очень просто, сударыня. Когда полиція накрыла Ленча и наше дѣло прекратилось, я долженъ былъ искать себѣ новаго мѣста. На тѣ крохи, которыя я скопилъ за мою долгую службу въ циркѣ, я рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и попытать тамъ счастье. И счастье мнѣ улыбнулось: я получилъ мѣсто въ этомъ большомъ и богатомъ циркѣ. Служба здѣсь не такая трудная, какъ въ бродячей труппѣ прежнаго хозяина, да и платятъ аккуратно и справедливо. Чего-жъ мнѣ еще надо? Я совсѣмъ доволенъ своей судьбой. Очень радъ, что встрѣтилъ моихъ маленькихъ друзей.

И онъ весело улыбнулся намъ съ Яшей.

— А вы не знаете ничего про Ленча, г. Дикъ?— спросилъ его дядя.

— Какъ-же, знаю, сударь! Знаю, что онъ просидѣлъ 3 мѣсяца въ тюрьмѣ за всѣ свои темныя дѣла. Судъ еще не очень строго наказалъ его, такъ какъ не раскрылось самое страшное его преступленіе: воровство дѣтей...

— А теперь онъ снова путешествуетъ по городамъ со своимъ балаганомъ?—спросилъ Яша.

— Ну, нѣтъ не думаю. Ему, кажется, запретили заниматься этими дѣлами. Вообще я ничего вѣрнаго не знаю о немъ. Богъ съ ними, много зла они сдѣлали людямъ!

— Дикъ, голубчикъ, придите какъ-нибудь къ намъ въ гости,—попросилъ Яша,—у меня есть своя отдѣльная маленькая комнатка, гдѣ мы можемъ поговорить съ вами, вспомнить старое, вѣдь вы такъ любили своего маленькаго Альфа.

— Да, да, пожалуйста, г. Дикъ! мы будемъ очень рады видѣть васъ у себя,—подтвердили дядя и тетя Яшину просьбу.

Звонокъ, звавшій насъ къ началу второго отдѣленія въ зрительный залъ, заставилъ насъ дружески распроститься съ нашимъ старымъ знакомымъ и поспѣшить занимать мѣста.

ГЛАВА XI.

Доброе дѣло.—Елка.

ПРИБЛИЖАЛИСЬ рождественскіе праздники. Дядя и тетя поминутно уходили изъ дому и возвращались, нагруженные разными свертками и пакетами. Мы, дѣти, цѣлые дни проводили за приготовленіями къ елкѣ. Яша клеилъ картонажики изъ цвѣтной бумаги и картинокъ и мастерилъ большую звѣзду изъ золотой бумаги съ изображеніемъ Виѳлеемской ночи по серединѣ. Я и Лизочка золотили орѣхи на елку и вырѣзывали тюрички изъ цвѣтной бумаги для разныхъ сладостей. Работа такъ и кипѣла въ нашихъ рукахъ. Рождественская елка обѣщала намъ столько веселья и радостей! И вотъ, когда въ сочельникъ она появилась въ нашей прихожей—зеленая, мохнатая и пушистая, съ особеннымъ запахомъ хвои и лѣса—мы пришли въ неописанный восторгъ. Мужикъ, принесшій елку, старательно расправилъ ея пушистыя вѣтви, стряхнулъ снѣгъ и сказалъ, любуясь елочкой:

— Ишь, какая красавица! И украшать не надо. Ужь больно пригожа.

— Нѣтъ, намъ нельзя не украшать елочки, —вступилась Лизочка,—у насъ будетъ дѣтскій вечеръ и мы будемъ танцовать вокругъ зажженнаго деревца.

— Ишь-ты,—усмѣхнулся добродушно мужичокъ,—чего то-ись господа не выдумаютъ! А у насъ въ деревнѣ и не знаютъ кака така елка украшенная!

— А у тебя есть дѣти въ деревнѣ? — спросила Лизочка.

— Есть. Зачѣмъ не бывать. Есть дѣти. Махонькія...—отвѣтилъ мужикъ.

— И у нихъ не будетъ елки?

— Чудная ты, барышня. Дай Богъ, чтобъ хлѣбушко былъ, да сыты были, а для чего намъ елка-то? Прихоть одна барская. И пользы отъ нея нѣтъ.

— Бѣдныя дѣтки! у нихъ не будетъ елки,—печально покачала Лиза своей русой головкой.—Знаешь что, голубчикъ, подожди-ка здѣсь, а мы сбѣгаемъ къ мамѣ и попросимъ у нея для твоихъ дѣтей старенькихъ платьевъ!

— Ишь-ты, болѣзная, попроси, касаточка, попроси, бѣленькая, дай Богъ тебѣ здоровья,—и широкой, закорузлой рукой мужичокъ коснулся бѣлокурой головенки кузины.

Мы побѣжали, перегоняя другъ друга, къ тетѣ и, торопясь и захлебываясь, сообщили ей о бѣдныхъ деревенскихъ ребятишкахъ, терпящихъ часто и голодъ и стужу.

— Мамочка, мамочка,—ластилась Лизокъ къ тетѣ Машѣ,—ты вѣдь позволишь намъ дать мужичку что-нибудь изъ старыхъ платьевъ?

— Охотно, дитя мое! скажите нянѣ, чтобъ она отобрала тѣ вещи, изъ которыхъ вы выросли, и отдайте ихъ мужичку.

Не знаю, кто изъ насъ былъ счастливѣе: бѣдный-ли мужичокъ или мы сами, когда притащили въ прихожую большой узелъ съ нашими старыми платьицами, башмаками, пальтецами и пр.

Мужикъ чуть не со слезами благодарилъ насъ и повторялъ повеселѣвшимъ голосомъ: «Спасибо, дѣтушки, спасибо, болѣзныя». Когда онъ ушелъ съ большимъ узломъ изъ нашей квартиры, мы принялись за елочку.

Ее обогрѣли, какъ слѣдуетъ, и стали увѣшивать разноцвѣтными вещицами и сластями, которыя были положены готовыя съ привѣшенными къ нимъ ниточками. Какъ красивы онѣ были, выдѣляясь на пушистыхъ зеленыхъ вѣтвяхъ красиваго хвойнаго деревца!

Уже совсѣмъ стемнѣло, а Виѳлеемская звѣзда еще не появлялась на морозномъ небѣ. Няня, не ѣвшая ничего за весь день въ ожиданіи звѣзды, приготовила въ столовой все къ обѣду, но намъ, погруженнымъ въ нашу работу, вовсе не хотѣлось ѣсть.

Наконецъ, она появилась — блестящая и яркая, самая яркая среди своихъ подругъ.

— Звѣзда, звѣзда появилась! — кричали мы хоромъ.—Ну, теперь можно встрѣчать сочельникъ и зажигать елку!

— А вотъ пообѣдаемъ и зажжемъ! У васъ уже все навѣшано, дѣтишки?—спросила тетя.

— Все! все! только свѣчи зажечь осталось.

— Спасибо, дѣтушки, спасибо, болѣзныя...

И бросивъ послѣдній взглядъ на елку, мы отправились въ столовую, гдѣ насъ ждалъ настоящій рождественскій обѣдъ съ неизбѣжнымъ гусемъ, начиненнымъ яблоками.

Во время обѣда двери въ столовую были прикрыты по приказанію тети.

— Пусть тамъ освѣжится, какъ слѣдуетъ,—замѣтила она,—надо открыть форточку.

И никто изъ насъ не замѣтилъ тогда лукавой улыбки на губамъ нашей баловницы, не замѣтили мы и подозрительной возни за дверями.

Когда-же, выйдя изъ-за стола и поблагодаривъ дядю и тетю, мы бросились въ гостиную, дядя перегналъ насъ у порога и широко, на обѣ половинки распахнулъ двери. Мы ахнули.

Какая-то волшебная фея зажгла во время нашего обѣда это сказочно красивое деревцо. Красавица-елка вся такъ и горѣла огнями. Но что еще болѣе вызвало нашъ восторгъ и заставило испустить громкій и продолжительный крикъ радости, это большой бѣлый столъ, весь заставленный подарками. Чего-чего только тамъ не было! И рукодѣльный ящичекъ со всѣми принадлежностями маленькой швеи, о которомъ я такъ давно мечтала! И большая кукла, говорящая мама и папа—завѣтное желаніе кузины Лизочки, и ящикъ съ красками для Яши. Кромѣ того, тутъ же лежали подарки и отъ баловника дяди. Двѣ красивыя книжечки для меня и Лизочки и настоящій фотографическій аппаратъ для Яши.

Откуда и какъ подслушали наши мысли и жела-

нія баловники дядя и тетя? То, о чемъ мечтали, чего хотѣли наши дѣтскія сердечки—все явилось какъ по мановенію волшебной палочки!

И что это былъ за чудесный вечеръ! Когда мы вдоволь налюбовались и нарадовались подарками, тетя сѣла за рояль и мы хоромъ пропѣли рождественскій тропарь, спѣтый давно, нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, свѣтозарными ангелами виѳлеемскимъ пастухамъ въ великую минуту рожденія Богочеловѣка. А елка вся сіяла своими украшеніями: и серебряными нитями, и румяными яблочками, и золотистыми мандаринами, и цѣлою массою хорошенькихъ картонажей и пряниковъ съ наклеенными на нихъ картинками! Особенно выдѣлялась звѣзда на самой верхушкѣ наряднаго деревца. Эта звѣзда стоила многихъ усилій. Яшѣ, за то какъ красиво выдѣлялась она на зелени вѣтвей!

Въ этотъ вечеръ мы съ Лизой долго не могли заснуть и тихо разговаривали, лежа въ кроваткахъ.

Тутъ-же съ нами лежали и полученные подарки; я не могла разстаться съ хорошенькимъ ящичкомъ, она—съ новой куклой, которую тутъ-же рѣшила назвать въ честь мою Катей.

ГЛАВА XII.

Дѣтскій вечеръ.—Сконфуженный франтикъ.

Кого же изъ дѣтей мы пригласимъ на нашъ маленькій вечеръ?—спросила тетя дядю, сидя за столомъ съ карандашомъ въ рукѣ, которымъ отмѣчала, что нужно купить для предстоящаго вечера.

— Да вотъ семью Гориныхъ,—отвѣтилъ дядя,—да Яша своихъ товарищей гимназистовъ навѣрное захочетъ пригласить. Дѣти живо перезнакомятся и будетъ превесело... А у тебя, Катюша, нѣтъ никого, кого бы ты хотѣла позвать на нашъ дѣтскій праздникъ?—обратился дядя ко мнѣ.

Я призадумалась, желая припомнить кого-нибудь изъ знакомыхъ дѣтей. Но тщетно. У меня не было сверстницъ и я хотѣла уже сказать объ этомъ дядѣ, какъ вдругъ стоявшая тутъ-же Лизочка запрыгала и забила въ ладоши.

— А Маруся! Маруся-то?—кричала она,—ты забыла Марусю.

— Какую Марусю?—въ одинъ голосъ спросили дядя и тетя.

— Да ту, съ которой мы познакомились, помнишь, Катя, на твоей прежней квартирѣ, такая блѣдненькая, худенькая.

— А! — и я дѣйствительно живо вспомнила блѣдненькую Марусю, сидѣвшую на широкомъ подоконникѣ маленькаго домика.

— Да, да, Марусю, пожалуйста, пригласите и Марусю!—присоединила я свою просьбу къ просьбѣ Лизочки.

И тутъ же разсказала дядѣ и тетѣ о нашемъ знакомствѣ съ дѣвочкой.

— Ну, Марусю такъ Марусю!—согласился дядя, выслушавъ меня.—Ну, а ты, Яша, кого хочешь позвать? а?

— Я, дядя, сдѣлалъ списокъ моихъ товарищей. Вотъ онъ!—и, отстегнувъ пуговицу мундирчика, онъ далъ дядѣ бумажку.

— Коля Свирскій, Петя Диминъ, Митя Ивановъ, графъ Панинъ, Миша Курцевъ, — прочелъ дядя и удивленно взглянулъ на Яшу. — Миша Курцевъ? Вѣдь это тотъ, который, если не ошибаюсь, обидѣлъ тебя, Яша, въ первый день твоего поступленія въ гимназію.

— Да, дядя, это онъ,—густо краснѣя, прошепталъ Яша,—но мы теперь съ нимъ большіе друзья.

— Какъ такъ?

— Да такъ, дядя,—и Яша краснѣлъ все больше и больше.—Миша прекрасный мальчикъ, только немножко забіяка. За то у него сердце золотое. На-дняхъ онъ совершилъ такой подвигъ, что я не могъ не простить ему его злой выходки со мною.

— Да что такое?—заинтересовался дядя.

— Ахъ, дядя! Миша поступилъ какъ настоящій герой, — восторженно воскликнулъ Яша.—Дѣло въ томъ, что у насъ въ классѣ есть бѣдный, бѣдный мальчикъ Митя Ивановъ. Онъ даже не носитъ съ собой завтрака въ гимназію и живетъ гдѣ-то въ углу со своей матерью, совсѣмъ слабой и больной женщиной. Мы нѣсколько разъ замѣчали, что Миша украдкой отдавалъ половину своего завтрака Митѣ. Нѣсколько дней тому назадъ былъ день рожденія Миши. Онъ получилъ отъ отца въ подарокъ часы, о которыхъ мечталъ съ самаго своего поступленія въ гимназію. Миша принесъ подарокъ въ классъ, радостный и торжествующій. Цѣлую недѣлю онъ не разставался съ ними, и вдругъ часы исчезли. Всѣ невольно обратили вниманіе на это и спрашивали Мишу о часахъ. Онъ отмалчивался или сердился на всѣ вопросы. И вдругъ мы узнаемъ, что Миша продалъ свои часы, чтобы заплатить за лѣченье и уголъ бѣдной матери Иванова. Весь классъ выразилъ самыя дружескія чувства Мишѣ, всѣ жали ему руку, обнимали его.

— И ты тоже?—вырвалось у Лизочки.

— И я тоже. Чѣмъ я лучше другихъ? Да и потомъ Миша самъ извинился передо мною и мы теперь пріятели.

Дядя внимательно выслушалъ разсказъ Яши, потомъ онъ крѣпко обнялъ милаго мальчика и тихо, тихо сказалъ ему, но такъ, что мы слышали:

— Молодецъ, Яша. Спасибо, братецъ!

Лизочка вскинула удивленными глазками на своего отца, недоумѣвая, за что благодаритъ онъ Яшу, но мнѣ кажется, что я поняла дядю, и меня самое такъ и тянуло обнять и поцѣловать крѣпко, крѣпко моего названнаго брата.

Вечеръ нашъ устроенъ былъ какъ-разъ наканунѣ Новаго года.

Господи, какъ мы волновались, я и Лизочка, одѣваясь на нашъ первый дѣтскій праздникъ! Особенно волновалась я.

Няня старательно разгладила наши воздушныя платьица, бѣленькія съ розовыми бантиками, точно крылышками бабочекъ. Лизочка, какъ и всегда, одѣтая въ бѣлый тюль, походила на маленькую фею. У нея было такое бѣленькое личико, такіе пышные бѣлокурые волосы. А я, какъ шутилъ дядя, черненькая и смуглая, была настоящей мушкой, попавшей въ стаканъ молока! Яша блестѣлъ новымъ мундирчикомъ и серебряными, какъ мнѣ казалось, форменными пуговицами.

Когда мы совсѣмъ готовыя пришли въ гостиную, тамъ уже сидѣла жена дядинаго начальника со своими тремя дѣвочками: Милочкой, Зиночкой и Алечкой. Насъ познакомили съ ними. Это были очень важныя маленькія барышни, съ хорошими манерами и серьезными личиками. Мнѣ онѣ не понравились и я скоро отошла отъ нихъ, оставивъ имъ въ роли хозяйки Лизочку.

Скоро пришли и всѣ пять товарищей Яши, и наша маленькая гостиная наполнилась синими мундирчиками.

— Яша! Яша!—шепнула я моему другу,—покажи мнѣ Мишу Курцева.

— Миша!—крикнулъ Яша такъ громко, что я сконфузилась.—Вотъ сестра Катя (Яша всегда называлъ меня сестрою) хочетъ познакомиться съ тобой.

Ко мнѣ подошелъ маленькій краснощекій гимназистикъ съ веселыми глазками и носомъ пуговкой.

— А вотъ и я!—весело сказалъ онъ и засмѣялся.

«Такъ вотъ онъ какой, герой-то!—промелькнуло въ моей головѣ.—А я-то думала, что онъ гордый и серьезный!»—и взглянувъ на героя-Мишу, мнѣ вдругъ стало очень весело.

Яша одного за другимъ назвалъ всѣхъ своихъ товарищей. Тутъ былъ и блѣдный худенькій Митя Ивановъ, и гордый, съ надменнымъ кукольнымъ лицомъ и завитый барашкомъ маленькій графчикъ, и Петя Диминъ—блѣдный горбатый мальчикъ съ большими умными глазами, и Коля Свирскій—общій любимецъ и невозможный шалунъ.

— А Маруся? она еще не пріѣхала?—спросила тетя.

— Кто это Маруся?—поинтересовалась очень нарядно одѣтая Алечка, одна изъ трехъ сестрицъ Гориныхъ.

— Это наша новая знакомая, ужасно милая дѣвочка,—отвѣтила Лизочка.

Въ ту же минуту раздался звонокъ и мы бросились въ прихожую встрѣчать запоздавшую Марусю.

Это была она, плотно укутанная въ большой байковый платокъ и шубку.

— Иди домой, Агафья,—сказала она кухаркѣ, провожавшей ее,—ты понадобишься мамѣ, а черезъ два часа зайди за мною.

Мы помогли раздѣться нашей маленькой гостьѣ. Когда Маруся освободилась отъ своей теплой шубки и большого платка, она крѣпко поцѣловала насъ обѣихъ.

— Ахъ, какъ я рада увидѣться съ вами, дорогія!— ласково улыбалась она мнѣ и Лизочкѣ.

На ней было простенькое розовое ситцевое платьице и штопанные чулочки. Бѣдностью и чистотой вѣяло отъ ея нѣжной фигурки. Намъ почему-то стало неловко съ Лизочкой за наши нарядныя бѣлыя платьица.

Мы взяли за руки Марусю и повели ее въ гостиную.

Тетя ласково обняла и поцѣловала оробѣвшую дѣвочку; нарядныя маленькія Горины покосились на ея бѣдный костюмъ и еле кивнули ей завитыми головками.

— Ну, вотъ и всѣ въ сборѣ. Можно зажигать елку!—весело проговорилъ дядя и съ помощью Яши и его гимназистовъ сталъ зажигать свѣчи.

Деревцо еще лучше украсилось, благодаря купленнымъ дядею изящнымъ бонбоньеркамъ, хлопушкамъ и сюрпризамъ для нашихъ маленькихъ гостей.

— Какая прелесть!—радостно вскрикнула Маруся, когда елка засіяла сотнями огней.

— Очень рада, что тебѣ она нравится, дѣточка,— ласково улыбнулась тетя.

— У насъ дома тоже чудесная елка!—съ достоинствомъ проговорила старшая Горина.—А у васъ?—спросила она Марусю.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ елки!—вздохнула Маруся.

— Почему-же?—вмѣшался въ разговоръ маленькій графъ.—Вы вѣрно были наказаны?

— Нѣтъ, я не была наказана: просто моя мама была нездорова передъ праздниками и принуждена была отказаться отъ многихъ заказовъ. А ее заработокъ слишкомъ невеликъ, чтобы позволять себѣ удовольствія.

— А ваша мама работаетъ? Что-же она работаетъ?—подскочилъ къ Марусѣ маленькій графъ.

Старшіе ушли пить чай въ столовую и не могли слышать нашего разговора.

— Моя мама портниха!—спокойно отвѣтила Маруся и взглянула на графчика своими ясными глазками.

— Вотъ какъ!—и онъ торжествующе обвелъ глазами трехъ маленькихъ Гориныхъ.—Примите къ свѣдѣнію, медамъ, если вамъ понадобится платье,—m-lle Мари не откажется сшить его, такъ какъ она навѣрное будетъ портнихой, какъ ея мамаша.

Въ словахъ мальчика звучала нескрываемая насмѣшка, и намъ стало больно и обидно за нашу маленькую подругу.

Но усовѣщивать Витю и спорить съ нимъ было неудобно, такъ какъ онъ былъ нашъ гость. Мы съ Лизочкой обняли Марусю и отошли съ нею къ елкѣ. Графчикъ повернулся на каблучкахъ и что-то весело

сталъ разсказывать тремъ сестрицамъ. Мнѣ было очень жаль, что Яша, убѣжавшій съ другими гимназистами въ свою комнату, не видѣлъ выходки Вити.

— Ну-съ, вотъ и мы! А у васъ дѣло не ладится,—чтожъ вы не играете? — спросила тетя, обращаясь къ намъ, дѣтямъ, разсѣвшимся по разнымъ угламъ.

— Что-же вы, хозяюшки, плохо занимаете гостей?—спросилъ дядя.—Давайте-ка, устроимъ какую-нибудь игру, а?

— Да, да, устроимъ! непремѣнно устроимъ.

— Хотите въ кошки-мышки?—предложила я Зиночкѣ Гориной.

— Да, только чтобы ловили осторожнѣе, а то мальчики такіе медвѣжата: непремѣнно оторвутъ воланъ или бантикъ.

— Ха, ха, ха!—раскатисто засмѣялся графчикъ,—такъ чтожъ, это дѣло поправимо, когда въ домѣ есть портниха.

Послѣднія слова онъ сказалъ чуть слышно, но, однако, близъ стоящая Маруся разслышала ихъ. Она покраснѣла и на глазахъ ея навернулись слезинки.

— Злой мальчикъ!—проговорила она чуть слышно.—За что онъ мучаетъ меня!

— Ну, въ кошки, такъ въ кошки, — согласился весело дядя, ничего не слышавшій и не замѣтившій.

— Ахъ, нѣтъ, я предпочитаю въ колечко, это такъ весело!—проговорила Алечка.

— Да, да, въ колечко! — согласились всѣ разомъ.

Принесли веревочку, дядя снялъ съ пальца кольцо и вошелъ въ кругъ.

— Я не буду стоять здѣсь, Яша, не перемѣнишься-ли со мной мѣстами?—спросилъ Витя, попавшій между Марусей и Лизочкой.

— Охотно,—и ничего не подозрѣвавшій Яша уступилъ свое мѣсто между Алечкой и Зиночкой капризному графчику.

Все время игры, когда кольцо попадало въ худенькія ручки Маруси, Витя, ловившій его, дѣлалъ видъ, что не знаетъ, гдѣ оно, и не хочетъ искать. Я каждую минуту собиралась уличить гадкаго мальчишку, но у меня не хватало смѣлости на это... Ни Яша ни Лизочка, отъ души веселившіеся, не замѣчали ничего.

— Ну, довольно, давайте-ка устроимъ плясъ,— весело сказалъ дядя, когда затянувшаяся игра стала понемногу надоѣдать.

— Отлично, я вотъ сыграю,—и тетя сѣла за рояль.

— Я буду танцовать съ вами,—подошелъ Витя къ Милочкѣ.

Она, очень довольная выпавшею ей честью танцовать съ маленькимъ графчикомъ, отвѣтила ему реверансомъ.

Я встала въ пару съ Мишей, Лизочка съ Митей Ивановымъ, двѣ сосѣднія Горины съ шалуномъ Колей и Петей Диминымъ.

Маруся осталась почему-то безъ кавалера.

— Яша, Яша, приглашай-же даму,—подтолкнулъ его шутливо дядя.

— Да вѣдь я плохо танцую!—конфузился тотъ.

— Ничего, я васъ выучу!—ласково прозвучалъ голосокъ Маруси.

— А вы развѣ умѣете танцовать?—удивился Витя.

— Почему-же ей не умѣть?—холодно обратилась къ нему тетя, замѣтившая странное поведеніе мальчика.—Я увѣрена, что Маруся отлично танцуетъ.

И дѣйствительно, Маруся танцовала отлично, куда лучше всѣхъ насъ и трехъ гордыхъ сестрицъ и самого Вити.

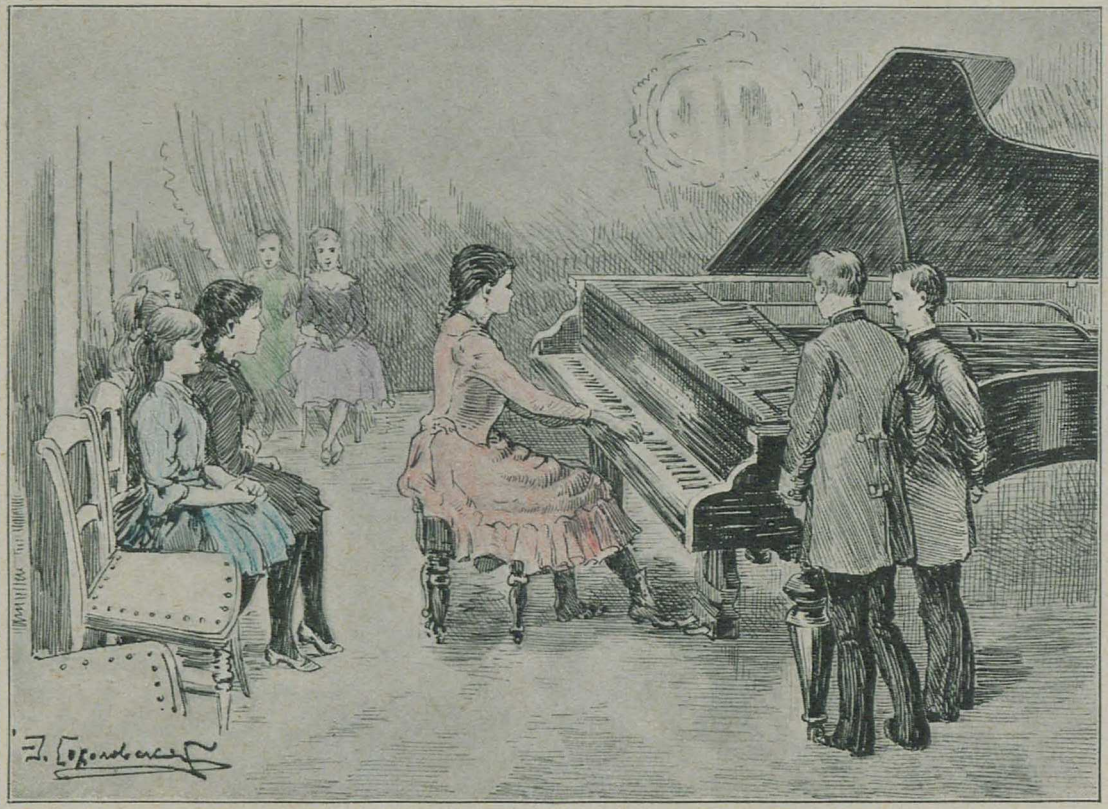
Мы съ Лизой готовы были броситься цѣловать ее за то, что она такая умница, такая милая. Но что окончательно смутило графчика, это когда уставшая тетя вышла изъ-за рояля и мы испустили печальное «ахъ», липнувшись нашей таперши. Тогда, застѣнчиво краснѣя, Маруся предложила свои услуги.

— Какъ! ты и играешь, дитя мое?—удивилась тетя.

— Немножко. Что-нибудь очень легонькое. Меня училъ покойный папа; вѣдь, вы знаете, онъ былъ учителемъ музыки и давалъ концерты. Онъ любилъ заниматься со мной, потому что музыка для меня самое большое удовольствіе въ мірѣ!

И Маруся, не ожидая приглашенія, сѣла за рояль и заиграла шумную и веселую польку совсѣмъ хорошо и бойко, какъ большая.

Странно было видѣть ея маленькія ручки, такъ ловко и скоро перебиравшія клавиши. Мы всѣ собрались вокругъ рояля, не думая о танцахъ. Маруся сыграла свою хорошенькую польку и потомъ, рас-



И Маруся, не ожидая приглашенія, сѣла за рояль...

краснѣвшаяся и счастливая нашимъ восторгомъ, она спросила:

— Что-же вы не танцуете?

— Ахъ, Маруся, какъ ты хорошо играешь, какъ ангелъ!—воскликнула Лизочка, никакъ не сдерживая своихъ восторговъ.

— Тебѣ нравится? Я очень рада!—ласково улыбнулась Маруся.—Хотите, я сыграю вамъ пѣсню, сложенную самимъ папой? Ахъ, какъ онъ любилъ ее! Она называется «Молитвой дѣвочки». Онъ посвятилъ ее мнѣ.

И не дожидаясь отвѣта, Маруся заиграла чудную, мелодичную пѣсенку... Нотки, дрожа и точно тая, вылетали изъ-подъ ея маленькихъ пальчиковъ и рояль пѣлъ, какъ живой.

И это играла Маруся, маленькая десятилѣтняя наша подружка!

Когда она кончила, Горина-мать разсыпалась въ похвалахъ, говоря, что ея единственное желаніе въ томъ, чтобы Зиночка, Милочка и Алечка играли такъ-же. Тетя ничего не сказала, она крѣпко-крѣпко обняла Марусю и поцѣловала ее такимъ-же нѣжнымъ поцѣлуемъ, какъ цѣловала насъ съ Лизочкой. Но кто былъ совсѣмъ сконфуженъ—такъ это Витя. Куда дѣлся его гордый видъ маленькаго барина! Онъ неловко подошелъ къ Марусѣ и шепнулъ ей:

— Вы меня простите, пожалуйста, я не зналъ, что вы такая!

— Я не сержусь, что вы!—и Маруся такъ-же ласково улыбнулась ему, какъ улыбалась намъ всѣмъ.

Какъ хорошо кончился нашъ дѣтскій вечеръ, начавшійся-было такъ неудачно! Мы танцовали, играли въ разныя игры, дружно и весело, и, наконецъ, наши маленькіе гости, получивъ отъ тети по сюрпризу съ елки, разъѣхались по домамъ, обѣщая видѣться какъ можно чаще.

ГЛАВА XIII.

Корь.—На новомъ мѣстѣ.

ЗДОРОВА-ЛИ ты, Лизочка?—заботливо спрашивала тетя свою притихшую дѣвочку

Цѣлый день Лизочка была скучная и не хотѣла играть съ нами. И лицо у нея было такое красное и горячее!

— Нѣтъ, я здорова, мамочка!—отвѣчала она, стараясь улыбнуться.

Но улыбка у нея не вышла. Запекшіяся горячія губки раскрылись и снова закрылись. Лизочка, очевидно, была совсѣмъ больна, но, не желая безпокоить матери, крѣпилась черезъ силу.

— Ты-бы пошла прилегла на моей кроваткѣ, а я разскажу тебѣ сказочку,—предложила ей тетя.

— Да, да, мамочка!

И Лиза, чтобы исполнить ея желаніе, легла на тетину постель, позволила укутать себѣ ножки тяжелымъ пледомъ и, опустивъ голову на подушку, прошептала:

— Ахъ, какъ хорошо у тебя, мамочка!

Тетя сѣла около постели и ласково стала гладить головку Лизы.

— Ахъ, какъ ты горишь, Лизокъ!—сказала она.—Я позову доктора.

Но Лизочка не слышала уже словъ тети, она заснула или была въ забытьи, не знаю. Только она стала говорить что-то такъ часто и скоро, что съ трудомъ можно было разобрать. Она вспоминала и Алечку, и Зиночку, и елку, и злого Витю, и бѣднаго Иванова, и Марусю, и большую куклу, видѣнную нами въ витринѣ игрушечнаго магазина.

Я поняла, что она бредитъ.

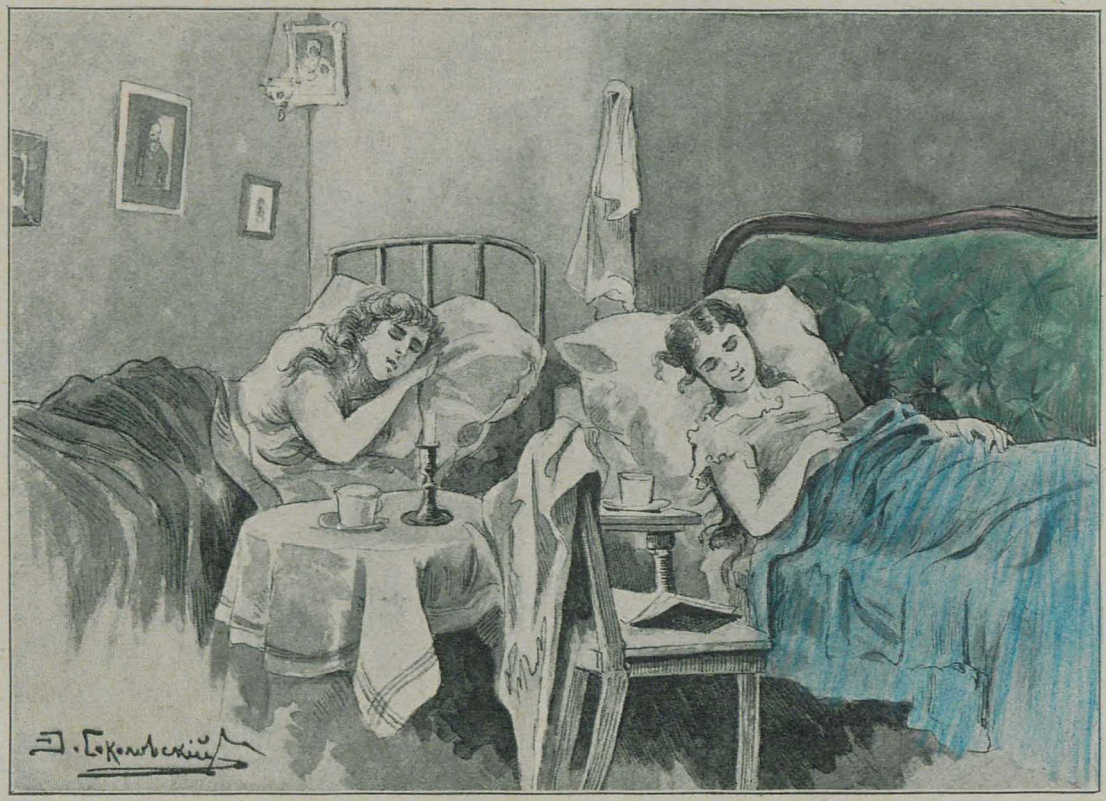
Лизочкѣ становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. На лицѣ ея появилась красная сыпь и вся она горѣла, какъ въ огнѣ.

Докторъ велѣлъ отдѣлить насъ отъ кузиночки, говоря, что у нея корь, которая очень прилипчива. Яшѣ запрещено было входить въ ея комнату, а меня рѣшили отправить на время ея болѣзни къ Марусиной мамѣ, съ которой тетя успѣла познакомиться и подружиться.

Когда няня привела меня къ Даниным (фамилія Маруси и ея мамы), Маруся встрѣтила меня радостная и ликующая.

— Ну вотъ, Катя, какъ славно ты проведешь у насъ нѣсколько деньковъ!—говорила она.—Жаль только, что Лизочка больна, а то-бы намъ было превесело!

Несмотря на ласковую предупредительность Марусиной мамы, на дружбу самой Маруси, мнѣ все это



— Спокойной ночи, Катя!—крикнула мнѣ Маруся...

время точно чего-то не хватало. Не хватало тетиныхъ поцѣлуевъ на сонъ грядущій, когда она, наклоняясь надъ моей кроваткой, крестила меня со словами: «Христосъ съ тобою, крошка, спи спокойно»; не хватало и няниной добродушной воркотни, когда она приходила тушить лампу и недовольно ворчала на насъ съ Лизочкой, болтавшихъ безъ умолку, лежа въ кроваткахъ. И я горячо молилась Богу, чтобы онъ какъ можно скорѣе далъ облегченіе больной Лизочкѣ.

Милосердный Господь услышалъ мою дѣтскую молитву: черезъ двѣ недѣли Лизочка выздоровѣла и меня взяли обратно домой...

ГЛАВА XIV.

Снова Ленчъ.

ПРОШЕЛЪ мѣсяцъ.

Лизочка вполнѣ оправилась отъ своей болѣзни; но дядя и тетя не рисковали еще выпускать малютку на воздухъ, что очень огорчало нашу общую любимицу. Чтобы какъ-нибудь развлечь дѣвочку, тетя Маша придумала чтеніе по вечерамъ всей семьею. Няня растапливала каминъ (февраль мѣсяцъ отличался особенными стужами въ этомъ году) и вся наша семья собиралась у камина вокругъ маленькаго столика—послушать интересное чтеніе. Читалъ обыкновенно Яша и читалъ прекрасно; онъ же доставалъ и книги изъ гимназической библіотеки, а мы съ жаднымъ вниманіемъ слушали маленькаго чтеца.

Однажды, вечеромъ, когда на дворѣ бушевала вьюга, свистѣлъ холодный зимній вѣтеръ, завывая по трубамъ домовъ, мы снова собрались вокругъ маленькаго круглаго столика. У насъ было такъ тепло, свѣтло и уютно! Яша уже раскрылъ вновь принесенную имъ книгу и готовился приступить къ чтенію,

какъ вдругъ неожиданно въ передней дрогнулъ звонокъ.

Мы молча съ удивленіемъ переглянулись.

— Это, вѣроятно, кто-нибудь пріѣхалъ приглашать тебя къ больному,—замѣтила тетя, обращаясь къ дядѣ.

— По всей вѣроятности,—подтвердилъ дядя и пошелъ въ прихожую. Мы съ Яшей бросились за нимъ слѣдомъ.

Въ нашей маленькой прихожей тускло горѣла стѣнная лампа, но при ея блѣдномъ свѣтѣ мы могли различить высокаго, запорошеннаго снѣгомъ и окоченѣвшаго отъ стужи человѣка; няня, впустившая его, теперь спрашивала, что ему надо.

Но бѣдняга отъ холода не могъ выговорить ни слова.

Дрожащими пальцами старался онъ размотать съ шеи рваный гарусный шарфъ, но тщетно, закоченѣвшіе пальцы не слушались.

— Вы больной?—спросилъ участливо дядя.

Наконецъ, съ помощью няни, странный гость распуталъ шарфъ, закрывавшій его шею и половину лица.

Что-то знакомое предстало моимъ глазамъ. Я невольно подалась впередъ, вглянула на незнакомца и вскрикнула невольно:

— Да это Ленчъ!

Да, это былъ Ленчъ! Но, Боже мой, какъ онъ измѣнился! Худой, блѣдный, постарѣвшій на десять лѣтъ, онъ такъ мало походилъ на моего прежняго хозяина!

Теперь онъ уже не казался прежнимъ грознымъ

и строгимъ г. Ленчемъ. Онъ пристально вглядѣлся въ меня и, очевидно узнавъ, глухо сказалъ:

— Ты-ли это Клара?

— Да, это я,—тихо пролепетала я,—а вотъ и Яша, помните Яшу-Альфа?—и я тихонько подтолкнула въ его сторону моего названнаго брата.

Ленчъ взглянулъ на него, съ трудомъ узнавъ въ чистенькомъ и сытомъ гимназистѣ свою бывшую несчастную маленькую жертву Альфа. Онъ хотѣлъ что-то сказать и вдругъ пошатнулся.

— Что съ вами?—участливо повторилъ свой вопросъ дядя и поддержалъ несчастнаго.—Вы больны? Я докторъ и помогу вамъ.

— О, нѣтъ, не мнѣ!—со стономъ вырвалось изъ груди Ленча.—Я умоляю васъ спасти мою дочь, мою бѣдную умирающую Марго! Сама судьба посылаетъ мнѣ васъ! Я просилъ въ аптекѣ адресъ врача. Меня направили къ вамъ, и вотъ я случайно встрѣчаю здѣсь Клару и Альфа. О, они не злыя дѣти! Они простятъ своего прежняго жестокаго хозяина и помогутъ упросить васъ ѣхать къ моей бѣдной дочери!

И, говоря это, несчастный упалъ на колѣни и простиралъ къ намъ руки, рыдая и плача.

Вся моя прежняя вражда и ненависть къ этому человѣку исчезли при видѣ его страданій. Я бросилась на шею дяди, умоляя его помочь несчастному; Яша не отставалъ отъ меня. Впрочемъ, мы упрашивали напрасно. Дядя въ первую же минуту все простилъ Ленчу и видѣлъ въ немъ не врага своихъ пріі-

емныхъ дѣтей, а глубоко несчастнаго человѣка, которому надо было помочь.

— Ѣдемъ, Катя,—твердо проговорилъ дядя послѣ небольшого раздумья.—Вѣдь у вашей дочери,—обратился онъ къ Ленчу,—не заразительная болѣзнь?

— О нѣтъ, бѣдняжка Марго умираетъ отъ какой-то тяжелой внутренней болѣзни, она уже мѣсяцъ не встаетъ на ноги.

— Ну, тогда я беру тебя, Катя!—еще разъ рѣшилъ дядя,—ты можешь помочь своей бывшей подругѣ. А ты, Яша, бѣги къ тетѣ и скажи, чтобы она положила въ корзинку провизіи: молока, бульона, яицъ, да бутылку вина... Вы, вѣроятно, очень нуждаетесь?—спросилъ онъ Ленча.

Тотъ только рукой махнулъ въ отвѣтъ.

— Да одѣяло теплое и бѣлья, чтобы няня уложила!—крикнулъ дядя вдогонку убѣгавшему Яшѣ.

Черезъ десять минутъ все было готово. Я, дядя и Ленчъ, согрѣвшійся отъ стакана вина, даннаго ему Яшей, ѣхали на самую дальнюю окраину города, гдѣ жилъ несчастный со своей больной дочерью.

По дорогѣ Ленчъ разсказалъ дядѣ, что, выйдя изъ тюрьмы, онъ уже не могъ продолжать своего дѣла. Вся его труппа разбѣжалась. Жена умерла отъ горя и нужды и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать работы со своей дочерью. Но работы не оказалось, и они должны были пробавляться людскимъ подаяніемъ.

Мнѣ было очень жаль бѣднаго Ленча, и вся моя былая ненависть къ нему исчезла отъ его печальныхъ, полныхъ горечи разсказовъ.

ГЛАВА XV.

Добромъ за зло!

ИЗВОЗЧИКЪ остановился у большого пятиэтажнаго дома, стоявшаго въ какомъ-то глухомъ и узкомъ переулкѣ. Мы вошли въ темный дворъ и ощупью стали подниматься по скользкой и узкой лѣстницѣ. Дядя крѣпко держалъ меня за руку, чтобы я не упала. Наконецъ, мы подошли къ низенькой двери гдѣ-то высоко подъ самой крышей, на чердакѣ, и нашъ спутникъ толкнулъ ее. Я очутилась въ сырой и холодной комнатѣ, освѣщенной однимъ только огаркомъ, вставленнымъ въ бутылку...

— «Боже мой! и тутъ могутъ жить люди!»—невольно съ ужасомъ подумала я и крѣпко прижалась къ рукѣ дяди.

— Это ты, папа?—послышался откуда-то изъ угла слабый дѣтскій голосокъ.

— Я, а со мною добрые люди!—поспѣшилъ отвѣтить Ленчъ.

Тутъ только замѣтила я связку соломы въ углу,

а на ней разметавшуюся и покрытую жалкими лохмотьями дѣвочку.

— Марго! — невольно вскрикнула я и бросилась впередъ.

Она открыла впалые глаза и протянула мнѣ худенькія ручки. Она, казалось, сразу узнала меня и нимало не удивилась моему приходу.

— Клара! Клара!—шептала она, точно въ забытьѣ,—я рада, что ты пришла, я знала, что ты придешь, Клара. Мнѣ такъ не хотѣлось умирать, не испросивъ у тебя прощенья. Прости меня, Клара, я много виновата передъ тобой. Но судьба насъ такъ жестоко покарала за все.

Я крѣпко обняла больную и какъ можно утѣшала ее. Дядя, осмотрѣвъ Марго, не нашелъ въ ней никакой особенной болѣзни; она была больна истощеніемъ силъ отъ голода и нужды.

— Ну, слава Богу, теперь ты скоро поправишься, дитя мое!—проговорилъ онъ, окончивъ выслушивать и выстукивать дѣвочку.—Хорошій уходъ и пища вылѣчатъ тебя безъ всякихъ лѣкарствъ! Завтра-же мы перевеземъ тебя къ намъ и Катя не откажется поухаживать за тобой!

Конечно, я съ радостью ухватилась за предложеніе дяди. На другое утро Марго перевезли къ намъ. Скоро она поправилась и дядя помѣстилъ ее въ школу, а отцу ея далъ работу у себя въ больницѣ. Ленчъ со слезами благодарилъ насъ за все, что мы дѣлали для него и для Марго.

— Вы настоящіе благодѣтели,—говорилъ онъ.—За

все зло, причиненное мною вашимъ дѣтямъ, вы отплачиваете мнѣ величайшимъ добромъ...

Марго выходила я, и могу смѣло гордиться этимъ. За то я пріобрѣла въ ней впервые друга на всю жизнь. Она привязалась ко мнѣ, какъ къ родной сестрѣ, чѣмъ заставляетъ даже ревновать мою дорогую Лизочку. Марго очень измѣнилась къ лучшему, какъ и ея отецъ, который сталъ неузнаваемымъ съ тѣхъ поръ, какъ наша семья облагодѣтельствовала его съ дочерью. Каждое воскресенье и онъ и Марго приходятъ къ намъ и мы проводимъ сообща праздники. О непріятномъ прошломъ всѣ какъ-бы позабыли, по крайней мѣрѣ никто не говоритъ о немъ.

Не знаю, какъ другіе, но я сознаю себя счастливой оттого, что могла отплатить добромъ за зло моимъ недавнимъ врагамъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

		стр.
ГЛАВА	I. Сиротка Катя	1
»	II. Два письма.—Приготовленіе къ отъѣзду	4
»	III. Отъѣздъ.—Дорога.—Случайное знакомство	7
»	IV. На лошадяхъ.—Ночные страхи	11
»	V. Новыя мѣста—новыя лица	14
»	VI. Новая жизнь.—Враги	18
»	VII. За ягодами	21
»	VIII. Лѣсныя феи и злой колдунъ	24
»	IX. Злой колдунъ оказывается добрымъ волшебникомъ.	27
»	X. Какъ я стала учительницей.—На сѣнокосѣ	30
»	XI. Нянина находка	34
»	XII. Въ городѣ	37
»	XIII. На ярмаркѣ.—Медвѣдь напугалъ	39
»	XIV. Маленькій Альфъ изъ цирка господина Ленча	43
»	XV. Маленькая наѣздница Клара	45
»	XVI. Я начинаю свою службу.—Первая неудача	49
»	XVII. Апельсинъ добраго Альфа	52
»	XVIII. Я дѣлаю успѣхи.—Что посовѣтовалъ Альфъ	54
»	XIX. Попались!	58
»	XX. Я ѣзжу на Арапчикѣ.—Неожиданный конецъ	61
»	XXI. Добрые люди	63
»	XXII. Неожиданность	66
»	XXIII. Мое желаніе исполняется	70

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА	I. Спустя два года	73
»	II. Яшина новость	76
»	III. Сборы.—Снова въ путь дорогу!	81

		стр.
ГЛАВА	IV. На постояломъ дворѣ	85
»	V. Мятель.—Волки	89
»	VI. Спасены.—Дальнѣйшій путь.—На новосельѣ	93
»	VII. Въ новомъ гнѣздышкѣ.—Нянинъ сюрпризъ	98
»	VIII. Яшино несчастье	103
»	IX. Въ циркѣ.—Старыя воспоминанія	106
»	X. Толстый Дикъ на новомъ мѣстѣ	108
»	XI. Доброе дѣло.—Елка	112
»	XII. Дѣтскій вечеръ.—Сконфуженный франтикъ	117
»	XIII. Корь.—На новомъ мѣстѣ	129
»	XIV. Снова Ленчъ	132
»	XV. Добромъ за зло!	136

НАША БИБЛІОТЕКА

3 р. СОБРАНІЕ ЛУЧШИХЪ КНИГЪ 3 р.
ДЛЯ ДѢТЕЙ ВСѢХЪ ВОЗРАСТОВЪ

Подъ общимъ названіемъ «Наша Библіотека» Товариществомъ М. О. Вольфъ предпринято изданіе цѣлаго ряда книгъ для дѣтей, — книгъ, отличающихся, съ одной стороны, прекраснымъ внутреннимъ содержаніемъ, съ другой — изящною внѣшностью, обиліемъ рисунко въ, четкою печатью, бумагою наилучшаго сорта и проч. Въ составъ «Нашей Библіотеки» входятъ книги для всѣхъ возрастовъ начиная съ самаго младшаго (т.-е. дѣтей, только-что начинающихъ читать) и кончая книгами для юношества. Въ «Нашей Библіотекѣ» есть и сказки, и коротенькіе разсказы, и популярно-научныя сочиненія, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ авторовъ. По внѣшности книги, вошедшія въ составъ «Нашей Библіотеки», представляютъ собою роскошнѣйшія русскія книги для дѣтей.

Каждый томъ «Нашей Библіотеки» составляетъ отдѣльное цѣлое. Цѣна одного тома, въ богатомъ золотисненномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ въ футлярѣ—3 р.

1. **НИКОЛАЙ НИКЛЬБИ.** Романъ Чарльза Диккенса. Изданіе для юношества. Съ 13 отдѣльными картинами и 34 рис. въ текстѣ.
2. **СБОРНИКЪ БАСЕНЪ** Крылова, Хемницера, Дмитріева и Измайлова. Съ 26 отдѣльными гравюрами Густава Доре, Шарлеманя, Евгенія Ламбера, Гранвиля и съ 22 рисунками въ текстѣ.
3. **БѢЛАЯ МЫЗА,** или открытія Коли на берегу Чернаго моря. Разсказъ для дѣтей средняго возраста В. Л. Ранцова. Съ 9 отдѣльными картинами и 82 политипажами.
4. **ДАВИДЪ КОППЕРФИЛЬДЪ.** Романъ Чарльза Диккенса. Изданіе для юношества. Съ 14 отдѣльными картинами и 36 рисунками въ текстѣ.
5. **КРАСНЫЙ ФОНАРЬ, МИТИНА НИВА** и другіе разсказы для дѣтей Н. Г. Вучетича. Съ 7 отдѣльными картинами В. Полякова и со многими рисунками въ текстѣ (разсказы «Красный фонарь» и «Митина нива» удостоены преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго общества).
6. **И Я ЧИТАЮ.** Разсказы для маленькихъ дѣтей, собранные кружкомъ матерей, съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ, крупнымъ шрифтомъ.
7. **РАЗСКАЗЫ** В. И. Немировича-Данченка для дѣтей старшаго возраста, съ рисунками въ текстѣ художн.: Левченко, Юмудскаго, Далькевича и другихъ.
8. **ПАВЕЛЪ и ВИРГИНІЯ.** Романъ Бернардена де Сенъ-Пьера, съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ художника Лелоара.
9. **ПРИКЛЮЧЕНІЯ СПИРИДОНА.** Повѣсть для юношества А. В. Круглова. Съ 13 отдѣльными картинами и 51 рисунками въ текстѣ. А. И. Сударушкина и др.
10. **ЦАРСТВО МАЛЮТОКЪ.** Приключенія Мурзилки и лѣсныхъ человѣчковъ въ двадцати семи разсказахъ А. В. Хвольсонъ съ 182 рисунками П. Кокса.
11. **ЧТО ВИДИТЪ ЗВѢЗДОЧКА** и другіе разсказы для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, съ 26 отдѣльными картинами и со многими рисунками въ текстѣ.
12. **ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОКЪ** и другіе разсказы К. С. Баранцевича, съ портретомъ автора, 17 отдѣльными картинами и 25 рисунками въ текстѣ.

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

НОВАЯ КОЛЛЕКЦІЯ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

въ изящныхъ изданіяхъ, въ оригинальныхъ золототисненныхъ переплетахъ.

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 1 Р. 50 К.

Эта новая коллекція книгъ для дѣтей разныхъ возрастовъ, предпринятая Товариществомъ М. О. Вольфъ, имѣетъ цѣлью дать въ руки дѣтей наиболѣе выдающіяся и популярныя произведенія такъ-называемой «литературы для дѣтей», русской и иностранной, а также классическія произведенія европейскихъ писателей, примѣненныя къ дѣтскому возрасту, въ изящныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, по чрезвычайно дешевой цѣнѣ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ БАСЕНЪ КРЫЛОВА, съ біографіею и словаремъ *М. Н. Никольскаго,* съ портретами, видами памятника и могилы Крылова. Съ 32 рисунками Н. Ольшанскаго и П. Веллингерста. Изд. второе.

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ. *В. Буша.* Перев. *К. И. Льдова,* съ 498 рис. въ текстѣ. Изд. второе.

ТЫСЯЧА и ОДНА НОЧЬ. Арабскія сказки. Въ обработкѣ для русскихъ читателей. *А. Аванасьева-Чужбинскаго.* Съ рисунками.

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ П. ХР. АСБЬЕРНСЕНА. Переводъ *С. М. Макаровой,* съ 25-ю отдѣльными картинами и 47 политипажами въ текстѣ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, съ 3 рисунками въ текстѣ и 23 отдѣльными картинами *Аммосскаго, Панова, Тейхеля и др.* Изд. второе.

ЛУЧШІЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА, съ 130 рис. и 7 отдѣльн. картинами. Изданіе третье.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ БРАТЬЕВЪ ГРИММЪ. Переводъ *К. И. Песковской,* съ предисловіемъ *П. М. Ольхина,* съ 78 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье.

СКАЗКИ ГАУФА, съ 21 иллюстрац. и 20 отдѣльными картинами. Изданіе второе.

СКАЗКИ ПЕРРО, съ 46 иллюстраціями *Густава Доре.* Изданіе второе.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Сочиненіе *Сервантеса,* переведенное. Передѣланное для дѣтей *А. Гречемъ,* съ 79 рис. *Густава Доре.* Изданіе второе.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МЮНХГАУЗЕНА. Первый полный перев. на русскомъ языкѣ *К. Песковской,* съ иллюстраціями *Густава Доре.* Изданіе второе.

РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ. Соч. *Вольфганга Гете,* примѣн. къ дѣтскому возрасту *М. Песковскимъ,* съ автотипн. рис. въ текстѣ и 7 отдѣльн. картин. Изданіе второе.

ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Соч. *Джонатана Свифта,* переводъ съ англійскаго *М. Никольскаго.* Съ біографіей автора, 39 отдѣльн. картинъ и 35 рис. въ текстѣ. Изданіе второе.

СОНИНЫ ПРОКАЗЫ. Сочин. *графини Сегюръ,* урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго, съ 33 рисунками въ текстѣ и 15 отдѣльн. картинъ. Третье изданіе.

ПРИМѢРНЫЯ ДѢВОЧКИ. Сочиненіе *графини Сегюръ,* урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго. Съ 20-ю рисунками. Изданіе второе.

КАНИКУЛЫ. Сочиненіе *графини Сегюръ,* урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Изданіе второе.

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА. Сочин. *Бичеръ-Стоу*, примѣнени. къ дѣтскому возрасту. *М. Песковскимъ*, съ 101 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. картин. Изданіе второе.

МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФАУНТЛЕРОЙ. Разсказъ для дѣтей. *Ф. Г. Бернеттъ*. Съ 24 рисунками *Р. Г. Берчъ*. Изданіе второе.

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИКА (Cuore). Сочиненіе *Де-Амичисъ*, съ предисловіемъ *М. Л. Песковскаго*, съ 15 рис. въ текстѣ и 32 отд. картинами. Изданіе третье.

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ или Мегъ, Джо, Бетси и Эми. Повѣсть *Луизы Олькотъ*, съ 89 рис.

МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Исторія одного ребенка (Petit Chose) *Альфонса Доде*, переводъ М. Л. Лихтенштадтъ, 73 иллюстрац. Изданіе второе.

ПРИНЦЪ и НИЩІЙ. Разсказъ для юношества всѣхъ возрастовъ *Марка Твэна*. Переводъ *Н. С. Вятвина* съ 146 рисунками.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТОМА СОЙЕРА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ *Марка Твэна*. Переводъ М. Николаевой. Съ 65 рисунками.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГЕККЕЛЬБЕРРИ ФИННА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ *Марка Твэна*, перев. графини А. З. Муравьевой. Съ рисунками.

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ, СТАВШІЯ ВЗРОСЛЫМИ. Повѣсть *Луизы Олькотъ*. Переводъ *Е. Г. Тихомандрицкой*. Съ 70 рисунками.

СКАЗКИ ТОШЕЛУСА. Переводъ со шведскаго *М. П. Благовѣщенской*. Съ портретами и рисунками.

БОСОНОЖКА. Повѣсть *Бертольда Ауэрбаха*. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. *В. М. Чулицкаго*. Съ рис. *В. Вотье*.

ПИНОККІО. Приключенія деревяннаго мальчика *Ч. Коллоди*. Переводъ съ 480-го итальянскаго изданія *К. Данини* подъ ред. *С. И. Ярославцева*. Съ рис. *К. Мацанти* и *Г. Магни*.

ДѢВОЧКА-РОБИНЗОНЪ. Леля на необитаемомъ островѣ. Повѣсть для юношества въ 2-хъ частяхъ съ англійскаго. 3-е русское изданіе подъ ред. *И. Бѣлозерскаго*. Съ 17 рисунками.

СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ. *Ч. Диккенса*. Переводъ съ англійскаго *Е. Г. Тихомандрицкой*. Подъ ред. и съ предисловіемъ *М. М. Бродовскаго*. Съ портретомъ автора и 49 рисунками.

ТРОЕ ВЪ ОДНОЙ ЛОДКѢ (не считая собаки). Разсказъ *Джерома К. Джерома*. Переводъ съ англійскаго *Е. Тихомандрицкой*. Съ 20 отд. рисунками *А. Бенъ*.

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА (Приключенія Сары Кру). Повѣсть для дѣтей *Ф. Г. Бернеттъ*. Переводъ съ англійскаго *А. Н. Рождественской*. Съ иллюстраціями *Г. Пиффарда*.

ДОБРЫЙ МАЛЕНЬКІЙ ЧЕРТЕНОКЪ. Повѣсть для дѣтей *графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной*. Переводъ съ французскаго подъ редакціею *С. И. Ярославцева*. Съ иллюстраціями *Г. Кастелли*.

СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ. Исторія одного голландскаго семейства *П. И. Сталь*. По англійскому подлиннику *Мэри Мэпъ Доджъ*. Переводъ *А. Н. Рождественской*. Съ рисунками *Т. Шулера*.

СКАЗКИ КОРОЛЕВЫ. *Кармэнъ Сильва*. Переводъ *А. И. Яцимирскаго*. Съ рис. *Фидуса*.

Постоянно открыта подписка

НА ДВА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛА

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

основанные С. М. Макаровой

и издаваемые съ участіемъ извѣстныхъ русскихъ писателей, педагоговъ и художниковъ.

Быть товарищемъ, собесѣдникомъ и руководителемъ молодыхъ читателей, давать имъ разумное, полезное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересное и самое разнообразное чтеніе, расширять кругъ ихъ знаній, содѣйствовать развитію у нихъ любознательности и пытливости, развлекать ихъ, поучая, дополнять возможные пробѣлы въ школьномъ образованіи—вотъ цѣль „Задушевнаго Слова“. Эту цѣль оно преслѣдовало строго въ теченіе многолѣтняго своего существованія, намѣрено преслѣдовать и впредь.

„Задушевное Слово“ издается въ видѣ двухъ совершенно самостоятельныхъ журналовъ, изъ которыхъ одинъ для младшаго возраста, другой—для старшаго.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО“
Еженедѣльный иллюстр. журналъ
для младшаго возраста
(отъ 5 до 9 лѣтъ)
52 №№ ВЪ ГОДЪ
съ преміями и приложеніями.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО“
Еженедѣльный иллюстр. журналъ
для старшаго возраста
(отъ 9 до 14 лѣтъ)
52 №№ ВЪ ГОДЪ
съ преміями и приложеніями.

Подписная цѣна каждаго журнала, съ доставкой и пересылкой: на 4 мѣс. **2 р.**, на полгода—3 р., на годъ—6 руб.

Съ перес. за границу: на годъ 8 р., на полгода—4 р.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ, въ СПБ. и въ Москвѣ, а также въ редакціи „Задушевнаго Слова“: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 линія, 5—7, с. д.